

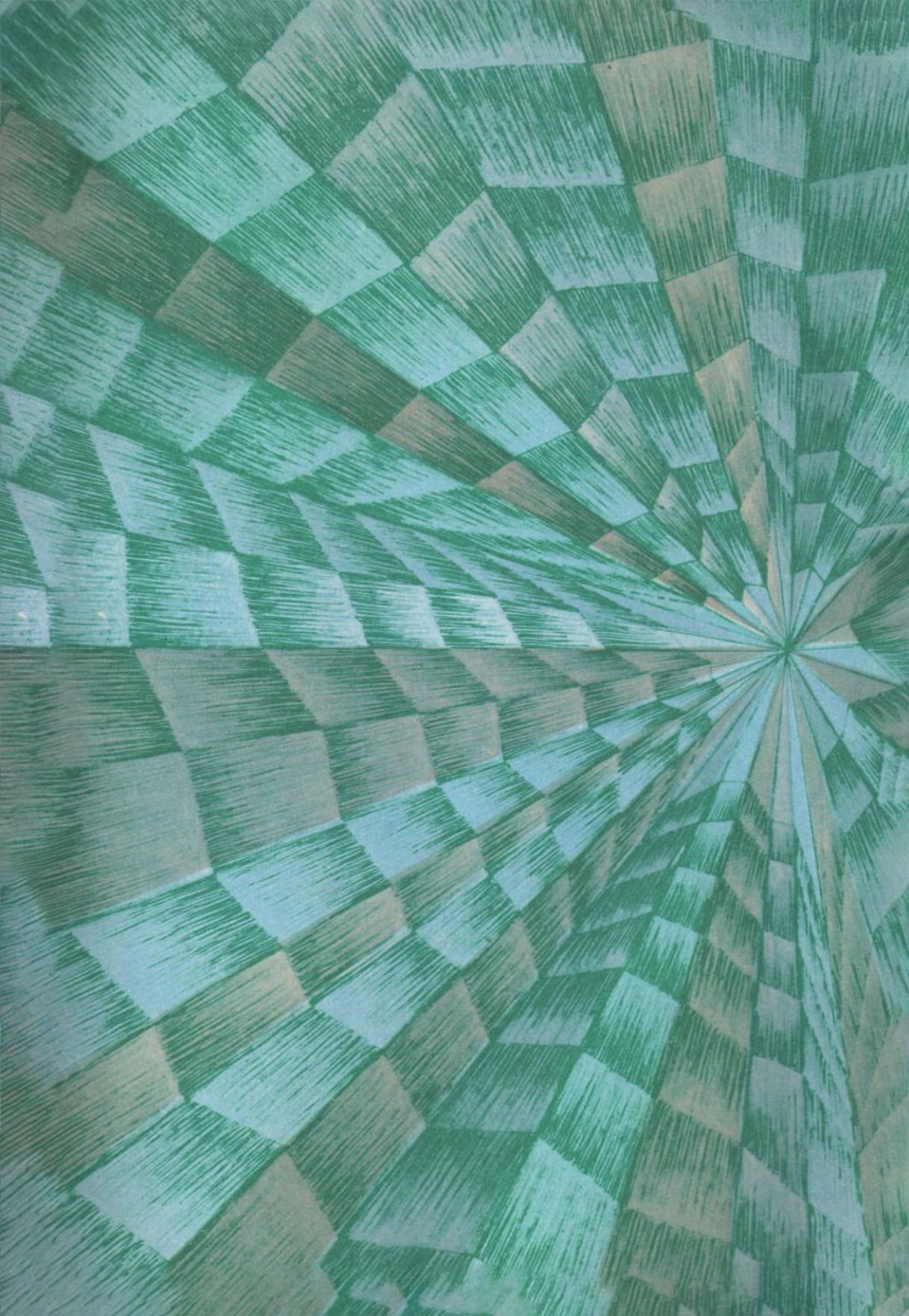

**АЛЕКСЕЙ
ШИЛОВ**

Звезда Тенгера

Издательство
«Детская литература»

**АЛЕКСЕЙ
ШИЛОВ**

Звезда Тенгера

ПОВЕСТЬ

Художник
Н.Короткин

Москва Детская литература 1984

P2
Ш59

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, 125047, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Шилов А.

Ш 59 Звезда Генгера: Повесть/Рис. Н. Короткина. —
М.: Дет. лит., 1984.—64 с., ил.

15 к.

Весёлая повесть о жизни сельских ребят — изобретательных, находчивых,
любопытных, об их увлечениях и связи с трудовой жизнью взрослых.

4803010102—293

Ш— — — — — 440—84

М101(03) 84

P 2

Генка Неугомонный

Неугомонным Генку прозвала его бабушка Аннушка. Только она не нарочно так сделала — говорит, к слову пришлось. А слово это к Генке сразу же крепко прицепилось, как репей. То мать скажет: «Угому на тебя нет!», то отец пошутит: «Ну, как дела, неугомонный, ничего нового сегодня не натворил?», а то старшая сестра Таня подсмеиваться начнёт: «Это всё наш неугомонный и изобретатель выдумывает...»

Потом это слово долетело до школы, а оттуда пошло-поехало гулять по всему селу из конца в конец. И стал наш Генка не просто Генка, а ещё и Неугомонный. Генка сердится, когда его в глаза так называют: кому же понравится прозвище носить?

Мелюзга из начальных классов, да и сверстники Генку только заглазно так называют, в глаза — побаиваются. А старшеклассники и взрослые — те не боятся: их ведь не поколотишь, поэтому Генке приходится только злиться да терпеть.

И всё из-за этой допотопной прялки! Их, прялок-то, во всём селе только две штуки и осталось: в нашем колхозном музее да у бабки Аннушки.

В музее прялка напоказ нужна, чтобы теперь все видели, как раньше люди жили: чем землю пахали, чем хлеб жали, молотили, как пряли, ткали... Есть в музее и соха, и плужок немудрёный... Имеются серп, коса, цеп, продолговатый и зубчатый, как шестерёнка, камень-каток, им тоже хлеб молотили. Цепами люди колотили по снопам, а каток-камень две запряжённые в него лошади катали по снопам. Катком молотить было легче и быстрее, чем цепами.

Стоит в музее и эта самая несчастная прялка.

Когда я пришёл после школы к Генке, он был дома один, что-то мастерил во дворе. Его отец с матерью работают на ферме, сестра Таня заканчивает десятый класс, целыми днями пропадает в школе, а бабушка Аннушка ушла в больницу лечить свой ревматизм.

С Генкой мы соседи и большие друзья. Я каждый день у них бываю, потому что без Генки мне скучно. Он старше

меня на один год: я учусь в четвёртом классе, он в пятом, а задачки помогает решать ребятам из шестого класса. У него такой талант. Я же учусь так себе, бабушка говорит — ни шатко ни валко. Особенно «плаваю» по математике. Задачки для меня — лес дремучий, китайская грамота. Это дедушкины слова. Мама защищает меня: «Просто у ребёнка нет математических способностей». Папа говорит, что я, скорее всего, невнимателен на уроках, а брат Борис называет меня лодырем несусветным.

С задачками меня Генка выручает.

— Арифметика, — сказал он мне, — детская забава. Алгебра — вот это да!

А я хоть плачь от этой «детской забавы»: никак у меня проклятые задачки не получаются. Генка же на ходу их решает. Немножко подумает, потерябит свою чёлку на лбу — и задачка готова!

Мой брат Борис говорит:

— У Генки не голова, а ЭВМ! (Значит, электронно-вычислительная машина.) Он будущий гений в области точных наук!

Голова у Генки круглая, как арбуз. Генка не только задачки быстро решает, он всё здорово запоминает: что прочитает, что по радио услышит или по телевизору увидит, что учителя на уроках объясняют... Всё на лету хватает! И поэтому учится на четвёрки и пятёрки. Вот как!

— Генка, у меня опять задачка с ответом не сходится! — кричу я ему от калитки.

— Сойдётся, — спокойно говорит он, — никуда она от нас не денется. Только сперва нам с тобой надо техническую новинку внедрить.

Он ещё и не такие слова знает!

— Какую новинку?

— У бабушки от ревматизма ноги болят, ей трудно стало прясть, а расставаться со своей древней прялкой она ни за что на свете не хочет! Вот нам с тобой и надо мотор к прялке приспособить.

— Как же мы его приспособим?

— Раньше сепаратор вручную крутили?

— Вручную.

— А теперь электромотор! Пахтушку, швейную и стиральную машины, пылесос — всё электромоторы приводят в движение, значит, и прялку можно!

— Так ведь то всё на заводах делали, — говорю ему.

— А электропрялки не делают, устарели они, поэтому

мы сами должны усовершенствовать прялку. Специально для бабушки! — настаивает на своём Генка.

С ним лучше не спорить: если уж он что задумал, ни за что не отступится. Я только спросил:

— Где же мы с тобой мотор возьмём?

— А это что, не видишь? — указал он на ту штуковину, с которой возился. — От старой стиральной машины приспособим, ей в обед сто лет! Сальники у неё сносились, а мотор исправный. Всё равно безо всякой пользы ржавела в амбаре. Стиральная машина-то у нас теперь новая, последнее слово техники!

— Тогда давай попробуем, — согласился я.

— Мотор я уже опробовал, осталось прикрепить его вот к этой станине, для устойчивости, и начнём испытание на прялке.

— Ну что же, — говорю, — прикрепить так прикрепить.

И мы начали прикручивать болтами мотор к какой-то железной раме, которую Генка называл станиной. Прикручивал-то Генка, а я только придерживал мотор да выполнял Генкины приказания: подай то, подай другое, держи крепче, затяни потуже...

— Готово! — сказал Генка радостно, когда затянули последнюю гайку. — Теперь понесём мотор в избу.

И мы бережно понесли наше «изобретение» в дом. Дом у них большой, новый, с застеклённой террасой и просторными светлыми сенями.

— Может, — говорю, — в сенях сперва попробуем?

— Розетки тут нет, пошли на кухню, там проведём испытание.

Бабушкина кровать находилась за цветистой занавеской, между печкой и горничной перегородкой, а прялка стояла за печкой возле кровати. Прялка была старая-престарая, наверно, самой бабушке Аннушке ровесница, и, того гляди, развалится.

Генка вытащил её из-за печки, поставил посреди кухни, и мы начали прилаживать ремень от привода мотора на колесо прялки. На приводной ремень мы приспособили тонкую прочную верёвку.

— Ты, Петя, на всякий случай придержи прялку.

Я встал возле прялки на колени и крепко вцепился руками в её ножки.

Генка торжественно скомандовал:

— Внимание, пуск! — И включил ток.

Мотор заурчал, и колесо у прялки закрутилось.

— Ура-а-а! — закричал Генка во всё горло. — Действует!

Мотор выл всё сильнее, колесо крутилось всё быстрее, и прялка начала вся дрожать, будто замёрзла до смерти.

— Генка, я не удержу её, она плясать начинает!..

— Держи-и-и!.. — радуется и смеётся Генка. — Я помогу!..

Он подбежал к прялке, тоже опустился на колени и ухватился за две другие ножки.

А в это время — дри-и-инь! — стекло в окне разбилось вдребезги.

Генка испуганно оглянулся:

— Кто это?!

— Прялка наша!.. Вилка разлетелась на части!

Тут и скалка вылетела вместе с осью из гнезда и бряк на пол — расколослась пополам.

— Выключай, выключай скорее мотор, а то прялка вся рассыплется! — кричу Генке.

Он метнулся к мотору. Мне одному стало трудно держать прялку, и она сперва пошла боком-боком, потом грохнулась на пол.

Генка выключил мотор. Посмотрел на разбитое в окне большое стекло, на поломанные скалку с вилкой и подёргал себя за чёлку. Он всегда дёргает себя за чёлку, когда усиленно думает или если очень расстроится.

— Больших оборотов не выдерживает — дерево... — сделал он свой вывод и презрительно махнул рукой. — Вот если бы прялка была металлическая или пластмассовая, тогда бы да-а-а!

— Тогда, конечно, не развалилась бы, — говорю, чтобы только он не очень расстраивался.

— А во сколько бы раз повысилась производительность труда! Пять минут — и скалка готова!

Я опять согласился с ним.

— С мотором быстро можно скалку напярсть.

Тут из больницы вернулась бабушка. Увидела погром в избе, остолбенела у порога.

— Батюшки светы!.. Чего вы тут набедокурили?!

Генка так очень ласково стал ей объяснять:

— Бабаня, милая, я ведь хотел сделать как лучше, хотел облегчить твой труд...

— Хотел, хотел, да Фотей не велел! — рассердилась бабушка. — И в кого ты такой неугомонный?! Отец с матерью

воды не замутят, а от тебя в доме покоя нет: то кошку с собакой мучил всю зиму, теперь вот прялку всю поковеркал!.. На чём же я прясть теперь стану?

— Бабаня, зачем тебе прясть-трудиться, потом вязать, ведь у тебя и в ногах, и в руках ревматизм сидит? А чулки и варежки в магазине купить можно, их там навалом!

— «Зачем, зачем»... — ворчала бабушка, убирая полованную прялку за печку. — Вот доживёшь до моих лет, тогда и узнаешь, каково в старости без дела-то сидеть... Где же я теперь скалку с вилкой возьму? Их в нынешнее время днём с огнём не сыщешь!

— Попросим дядю Федю, столяра, — он выточит на своём станке, — уговаривает Генка бабушку.

— То ли выточит, то ли нет... Липу-то теперь не сразу раздобудешь...

Пришла из школы Генкина сестра Таня.

— Кто у нас стекло-то в окне раскокал? — сразу спросила.

— Братец твой неугомонный, кто же кроме него, — ворчит из-за печки бабушка.

— Как это тебя угораздило?! — накинулась Таня на брата.

Генка и ей вежливо начал объяснять:

— Понимаешь, Таня, я хотел приспособить к прялке мотор, чтобы бабушке легче прясть было, но вилка не выдержала больших оборотов и разорвалась... Одна половинка вилки угодила прямо в окно! Стекло не выдержало удара и разбилось...

Таня насмешливо так говорит ему:

— Научно обоснованный довод, теперь всё ясно, уважаемый товарищ изобретатель. Вот только не ясно: выдержит твоё мягкое место, если по нему папа пройдётся солдатским ремнём?

Теперь Генка рассердился:

— Этого наш папа никогда не делал и не сделает! Он культурный современный человек, передовой труженик-орденоносец, а своих детей бьют только отсталые люди! Ясно?

Пришла с работы Генкина мать, тётя Катя, и первым делом спрашивает:

— Кто у нас стекло-то в окне высадил?

— Наш неугомонный изобретатель! — пальцем указала Таня на брата, и всё с насмешкой.

— Как же это ты?

Генке надоело вежливо всем объяснять.

— Чего вы панику устроили? Подумаешь — стекло разбил... Алмаз у нас есть, стекло тоже... Сейчас возьмусь и вставлю.

— И не вздумай! — удержала тётя Катя Генку. — Стекольщик какой выискался... Ты только бить мастер. Вечером отец придёт с работы и сам вставит.

— Стекло-то вставите, а скалку с вилкой где возьмёте? — это опять бабушка про своё.

Генка только махнул рукой, подхватил с пола мотор и скорее марш из избы.

А бабушка нам вслед бубнит:

— То собаку с кошкой мучил, а теперь вот...

Дальше нам уже не слышно было её слов.

Про собаку с кошкой бабушка зря так говорит. Генка их не мучил, а дрессировал.

Я не знаю, и, наверно, никто не знает, почему кошки не любят собак, а собаки кошек.

Даже когда люди между собой всё время ссорятся, то про них говорят: «Живут, как кошка с собакой».

И вот зимой Генка надумал подружить своего кота Ваську с псом Аблясом. Долго он с ними возился. У меня

бы ни за что на это терпения не хватило, а Генка всё-таки вытерпел. И так их натренировал, что выступал с ними в Доме культуры на школьном вечере.

Выходит на сцену конферансье-десятиклассник и громко объявляет:

— Гвоздь нашей программы! Выступает юный дрессировщик Гена со своими четвероногими питомцами!

Из-за кулис появился Генка, и за ним шёл Абляс с Васькой на спине. В зале сразу все дружно стали хлопать в ладоши. Гуська прыгнул на пол, Абляс встал мордой к публике. Гена начал командовать Ваське:

— Алле — гоп!

Васька прыг через Абляса.

Генка опять стал выкрикивать часто:

— Алле — гоп!.. Алле — гоп!.. Алле — гоп!..

И каждый раз Васька скок, скок через спину Абляса. А тот стоит себе спокойно и хвостом помахивает.

Все в зале так сильно хлопали, что у них после этого, наверно, целую неделю ладони горели.

Потом Генка скомандовал Ваське:

— Гоп!

Васька вскочил Аблясу на спину и поудобнее уселся там.

Генка приказывает:

— Абляс, галоп!

Абляс послушно принялся бегать по кругу, а Васька спокойно катается на нём. Под конец Генка усадил Абляса на пол, Ваську на табурет, а сам встал между ними на колени, обнял их и запел песню без слов:

— Ля-ля-а-а-а, ля-ля-а-а-а...

Сперва Абляс стал ему подтягивать, протяжно выть:

«У-у-а-ам, у-у-а-ам...»

Тут уж и кот Васька не вытерпел, присоединился к ним своим тонюсеньким голоском:

«Мя-а-у, мя-а-у...»

В зале со смеху все чуть не надорвались.

Генку со своими питомцами хотели весной послать от нашей школы на районный смотр художественной самодеятельности, но тут у Генки случилась большая беда: Абляс под машину попал, и его насмерть задавило.

Генка очень горевал. Плакать он не стал, потому что никогда не плачет, но с расстройства чуть не заболел и всё говорил мне:

— Надо было запретить Аблясу гоняться за машинами и лаять на них, а я не догадался. Но кто же мог подумать, что такое случится с ним!

— Что же, — говорю, — теперь поделаешь...

И Генка согласился:

— Теперь, конечно, ничего не поделаешь: Абляса не вернёшь.

Мы похоронили Абляса в дальнем углу сада и на его могиле поставили на попа большую каменную плиту, которую с горы приволокли.

Вскоре он увлёкся новым делом, и горе это помаленьку забылось.

Генкино вдохновение

Дома у Генки была одна бабушка Аннушка.

— А Генка где? — спросил я у неё.

— В бане, — ответила неохотно. Она всё ещё сердилась на нас за сломанную прялку.

У столяра дяди Феди нашёлся кусок липы. Он обещал Генке выточить и скалку, и вилку, но бабушка всё равно сердится на нас.

«Ведь сегодня среда, баня-то не топится, зачем же он пошёл туда?»

— В своей бане, на задах, — пояснила она.

— А что он там делает? — удивился я.

— Иди да погляди! — начала сердиться бабушка. — Мне только и дела, что за вами с Генкой досматривать... У меня своих хлопот хватает!

Бабушка, видать по всему, была сегодня особенно не в духе. Я не стал больше приставать к ней с расспросами. Сейчас пойду и сам увижу, что делает Генка в старой, заброшенной бане.

Позади Генкиного дома был сад, огороженный забором. За садом начинался огород, а в дальнем углу сада стояла баня. Раньше таких бань в селе было полным-полно, но когда колхоз построил общественную баню, то колхозники свои маленькие крытые глиной банёшки забросили. В общественной бане ведь лучше мыться: там и парная, и общее отделение, и номер, и комната отдыха есть. Топят её два раза в неделю. Моются там бесплатно, и хоть целый день размывайся — никто слова не скажет.

Свои банёшки у многих уже развалились, но у соседей всё ещё крепко стоит.

Дядя Ваня, Генкин отец, очень высокий, и баню он себе строил тоже высокую, чтобы, когда на полке паришься, головой о потолок не стукаться.

Дверь в предбанник была открыта. Я заглянул внутрь.

Генка поставил в предбаннике небольшой стол, который до этого стоял в саду под яблоней, и теперь что-то прибивал к стенке над столом.

— Генка, ты что тут делаешь?

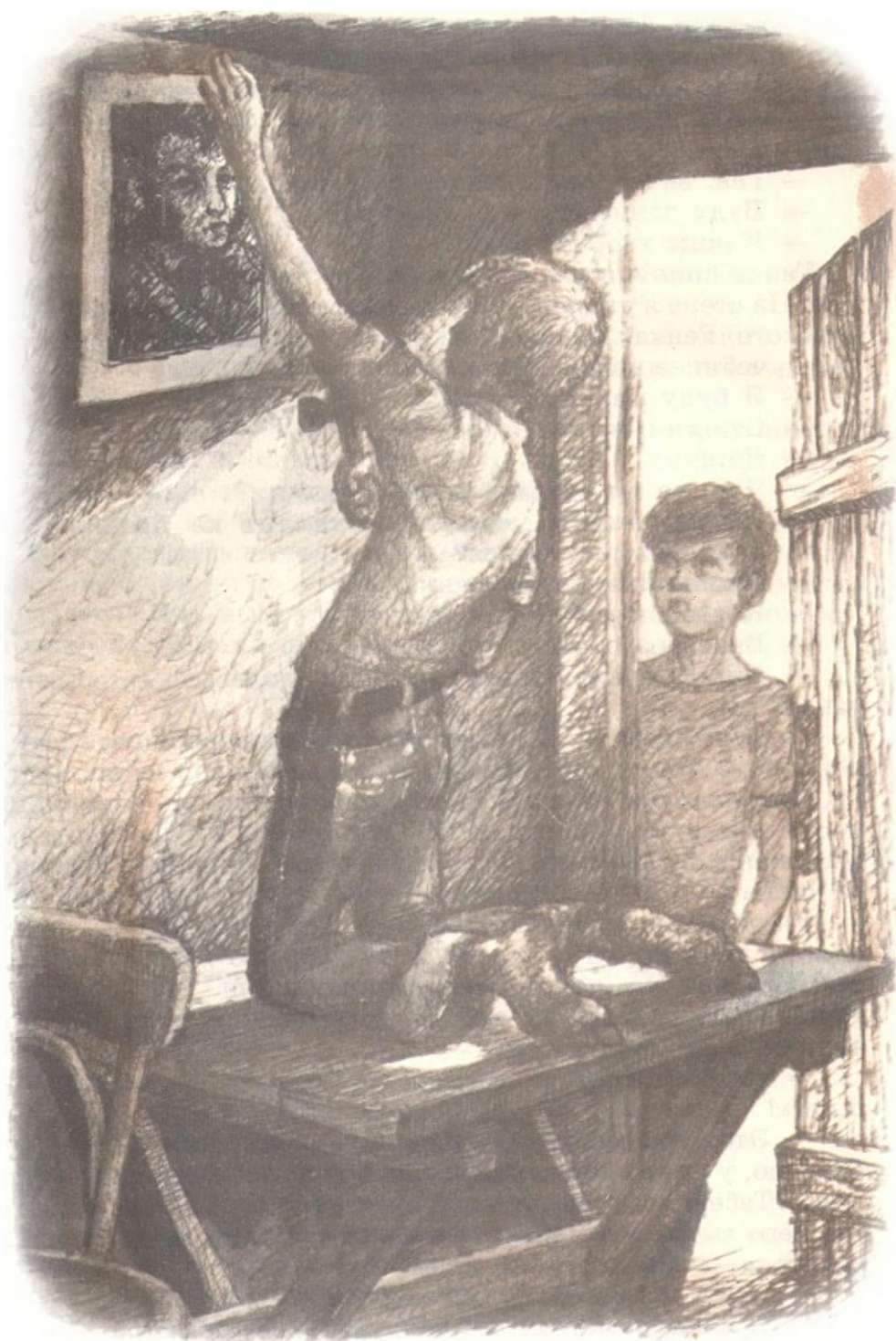
Генка стоял ко мне спиной, он даже не оглянулся, знай прибивает и так важно говорит:

— Создаю себе творческую атмосферу.

— Чего-о-о?!

— Сказано ясно: творческую атмосферу.

Я вошёл в предбанник. В нём было не очень чисто: стены уже давно не бѐлены, запылились, по углам паутина, потолок прокопчённый. Окно в предбаннике было побольше, чем в бане, но под окном разросся куст сирени, от этого света внутрь попадало мало, вот Генка дверь и не закрыл.

— Ген, зачем она сдалась тебе, эта атмосфера?

— Буду заниматься творчеством.

— Каким творчеством?

Генка положил молоток на стол и повернулся лицом ко мне. На стене я увидел прибитые портреты Пушкина и Маяковского. Генка, наверно, выдрал их из какого-нибудь старого учебника литературы.

— Я буду писать стихи!

— Сти-хи-и-и?!

— Да.

— Что же ты раньше-то не писал их?

— Потому что у меня тогда талант не проявлялся.

— А теперь проявился?

— Проявился, да ещё как!

— Когда он у тебя проявился?

— Вчера.

— Как он проявился-то? — Меня одолевало нетерпение узнать это.

— А вот как! — И Генка начал мне подробно всё разъяснять: — Иду я из школы и, чтобы время зря не пропадало, повторяю про себя правила правописания мягкого знака после шипящих в конце слова. Он пишется в существительных женского рода и в глаголах второго лица единственного числа настоящего времени. Чтобы лучше запомнить это, я придумываю свои собственные примеры. Вижу, возле одного дома карапуз играет, я тут же про него придумал пример: «Тебе, малыш, мягкий знак шиш. Ты хоть и от горшка два вершка, но всё равно мужского рода, мягкий знак тебе не полагается».

— Как складно получилось, — говорю, — «малыш — шиш»!

— Это называется в рифму, — пояснил Генка. — Смотрю, у одних печка дымится, я и про неё пример составил: «Тебе, печь, свой мягкий знак надо беречь, потому что без него ты уже с ошибкой, и нашему брату за это двойки ставят».

— Опять складно: «печь — беречь»!

— Я и сам заметил: что-то, думаю, все примеры у меня

в рифму начинают получаться? Но я ещё не догадывался, что это уже мой талант начинает наружу пробиваться.

— Когда же ты догадался? — допытываюсь.

— У речки. Тишина была кругом... На берегу остался прошлогодний камыш, а тут ещё стриж пролетел надо мной, и из меня сразу стихи прорвались:

Стояла тишь, лежал камыш...
А ты, мой стриж, куда летишь?

— Вот здорово! Ты, как Пушкин, сочиняешь! — обрадовался я.

— Ну и сказану-у-ул!.. Пушкин был великий поэт, а я только ещё пробую сочинять. Таких называют начинающими поэтами. Ясно?

— Может, ты ещё что-нибудь сочинил? — спрашиваю. Мне очень хотелось послушать другие Генкины стихи, уж очень хорошо они у него выходят.

— Конечно! — говорит Генка. — Меня мой талант сразу распирать начал, покоя от него не стало: куда ни посмотрю, о чём ни подумаю — всё у меня тут же стихами получается! Иду я по улице, мне повстречалась машина-молоковозка, у меня про неё сразу стихи сочинились:

Плывут по небу облака...
В бидонах много молока.
Коров досыта накормим
И ещё больше надоим!

— Замечательно! — говорю.

Только в слове «накормим» Генка ударение сделал не на «о», как все мы говорим, а на «и» — «накормйм», наверно, поэтам так полагается.

А Генка всё рассказывает:

— Вижу: трактор ДТ с плугом в поле поехал, тут ещё гром прямо над головой у меня треснул, и из меня опять стихи посыпались:

В небе гром, та-ра-ра-ра!..
Едут в поле трактора.
Перестанет гром стучать —
Трактора начнут пахать.

— Нет, Ген, со мной теперь лучше не спорь: ты тоже великий поэт! Только вот зачем ты портреты Пушкина и Маяковского в предбаннике прибил?

Генка обиделся:

- Это не предбанник, а мой рабочий кабинет.
- Будешь тут стихи писать?
- Ясное дело, нельзя же свой талант в землю зарывать!
- Нет, — говорю, — талант в землю зарывать ни за что нельзя. — А почему ты дома не хочешь писать стихи?
- Там галдеть будут, и моё вдохновение пропадёт. Пушкин где лучше писал? — спросил он меня ни с того ни с сего.
- Не знаю, — по-честному признаюсь. Зачем врать?
- В деревне, — сказал мне Генка и тут же продекламировал:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
 Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
 Где льётся дней моих невидимый поток
 На лоне счастья и забвенья!

Мой пустынный уголок в этом саду, тут мне и спокойствие будет, и вдохновение придёт.

- Когда оно к тебе придёт?
- Уже пришло. Сейчас буду сочинять целую поэму! И на Пушкина с Маяковским буду поглядывать, чтобы у меня получалось всё, как у них, хорошо. Посмотрю на Пушкина, вспомню его стихи:

Гонимы вешними лучами,
 С окрестных гор уже снега
 Сбежали мутными ручьями
 На потоплённые луга —

и сам буду стараться так писать. Это называется творческая атмосфера.

- А когда на Маяковского поглядишь?
- Тогда вспомню его стихи «Я волком ~~бы~~ выгрыз бюрократизм!» Так читал один артист по телевидению.
- Долго ты будешь сочинять поэму-то? — спрашиваю нетерпеливо.

Генка сперва пожал плечами, потом подёргал немного себя за чёлку и только после этого ответил:

- Пожалуй, к вечеру закончу. Только ты мне не мешай, уходи куда-нибудь, я тебе свою поэму завтра прочитаю.
- И я ушёл. Иду домой и думаю: «Вот какой у меня друг! Напишет он поэму, все будут читать её и узнают, что у нас в селе есть свой знаменитый поэт Генка!»

Ночью мне приснился сон, будто наше село уже не такое, как сейчас, а большее! Везде стоят красивые высокие

дома, улицы асфальтированы... От нас до станции, пожалуй, километров сто будет, и самолёты к нам не летают, но во сне мне приснилось, что рядом с площадью стоит огромный вокзал, а за школой — аэродром. К вокзалу друг за дружкой подходят пассажирские поезда, на аэродром один за другим садятся самолёты. Из самолётов и из поездов выходит много-много нарядных весёлых людей, и все они идут на площадь.

На площади стоит трибуна — не такая, как сейчас, деревянная, выкрашенная в красный цвет, а будто из золота сделана — вся сияет на солнце, украшена флагами, лозунгами, транспарантами... И на трибуне стоит Генка, важный такой, строгий, как генерал на параде на Красной площади.

Потом к трибуне подкатила красная «Волга», из неё вылез самый главный поэт, толстый, лысый и в больших очках. Он поднялся по ступенькам на трибуну, пожал Генке руку, затем в микрофон на всю площадь басом прогремел:

«Это наш новый поэт Генка! Он создал себе творческую атмосферу и написал поэму!»

Все на площади стали кричать «ура», хлопать в ладоши,

бросать на трибуну букеты цветов. Их так много набросали, что Генку совсем завалили, видно было, как у него только один нос торчит.

Но тут он в толпе заметил меня. Кое-как выкарабкался из цветов, сошёл с трибуны и направился прямо ко мне. Все перед ним расступаются, дорогу ему дают. Он взял меня за руку и повёл на трибуну. У меня от волнения дух захватило, и сердце чуть не остановилось. А Генка завёл меня на трибуну, положил мне руку на плечо и говорит всем в микрофон: «Это мой лучший друг Петя! Он помогал мне создавать творческую атмосферу!»

И тогда опять все стали хлопать в ладоши и кричать «ура».

Главный поэт подходит ко мне, даёт мне большую коробку шоколадных конфет и говорит:

«Ешь!»

Я начал уплетать конфеты, а главный поэт трясёт меня за плечо и торопит:

«Ешь, ешь быстрее!»

Я уже набил полон рот, жую, жую, но проглотить никак не могу.

Главный поэт всё сильнее трясёт меня за плечо:

«Соня, соня!..»

Тут я проснулся. Вижу, это мама меня будит:

— Соня, вставай же, а то в школу опоздаешь!

Мне хотелось побыстрее умыться, схватить сумку и мчаться к Генке. Мне не терпелось рассказать ему свой замечательный сон!

Но мама всё время напоминает мне:

— Хорошо почисть зубы, мой лучше шею, уши...

Пришлось и зубы чистить, и умываться с мылом. Хотел убежать без завтрака, но мама рассердилась:

— Чего ты сегодня спешишь, как на пожар?! Садись завтракать и лучше пережёвывай пищу!

Куда же денешься? И завтрак я съел, и жевал старательно. Зато потом летел к Генке пулей! Столкнулся с ним нос к носу у них во дворе.

— Написал поэму?!

— Нет.

— Почему-у-у?

— Потому, что кончается на «у», — огрызнулся Генка.

И только тут я заметил: Генка был злой-презлой! Таким сердитым я его ещё никогда не видал. От этого и сам я тоже расстроился, вся моя радость пропала.

— Как же так, — говорю, — писал, писал, а не написал...

— Вот так и не написал, — буркнул неохотно мрачный Генка.

Он шёл по тропинке впереди меня. Я поравнялся с ним и с обидой говорю ему:

— Эх, а ещё другом называешься! Сказать не хочешь...

Генка остановился и сердито посмотрел на меня:

— Ну чего ты пристал ко мне как банный лист? «Почему, почему»... За уши меня отодрали, вот почему!

— Отец с матерью? — спросил я сочувствующе.

— Меня отец с матерью пальцем никогда не трогают.

— Тогда скажи толком кто?

— «Кто, кто»... — опять озлился Генка и двинулся по тропинке дальше.

Тут уж и меня зло взяло: чего он так задаётся?

— Ну и не говори, не надо! Нужен мне твой секрет! Обойдусь и без тебя и без твоих дурацких секретов!

Я ещё ни разу так с Генкой не разговаривал. Он остановился и удивлённо вытаращил на меня глаза, будто я с луны свалился. А я ещё больше разозлился.

— Надо было тебе сильнее надрать уши, чтобы нос не задира! — кричал я. — Совсем оторвать их, чтобы ты на веки веков корноухим остался!

Генка даже остолбенел от такой неслыханной моей дерзости. Я хотел пройти мимо него, но тут он пришёл в себя и схватил меня за руку — наверно, решил отколошматить. Я рванулся, да только не вырвался. Генка был сильным и удержал меня. Он троих таких удержит.

— Подожди, ты, петух голландский... Так и быть, скажу тебе как другу... — Он отпустил мою руку и понизил голос: — Меня отодрали за уши Маяковский с Пушкиным...

Я отшатнулся от Генки: ясное дело — он переутомился над поэмой и рехнулся. Когда я готовлю уроки, за мной мама или бабушка следят и не дают мне сильно переутомляться, а за Генкой никто не следил в бане-то, вот он и перестарался. Злость моя сразу пропала. Теперь мне уже стало жалко Генку, и я говорю ему:

— Гена, давай зайдём с тобой к доктору.

Он усмехнулся:

— Ты что, думаешь, я совсем с ума спятил?

— Ну, не совсем, а немного...

— Это ты уж ходи к докторам, а мне они не нужны. Я начал ему доказывать:

— Ген, ну ты сам подумай: как же Пушкин с Маяковским могли тебя таскать за уши, если они давно умерли?

— Так вот и смогли... Писал я, писал свою поэму, дошёл до грозы:

Дождик хлещет! Гром грохочет!
Ветер мчится на гору!
Только мне это не страшно,
И в кино я удеру!

— Но ведь замечательно получилось! — говорю ему. — «Только мне это не страшно, и в кино я удеру!»

— Нам с тобой замечательно, а для знающих людей — дребедень, ерунда на постном масле! Слушал я вчера вечером по радио литературную передачу для школьников, а в ней как раз настоящий поэт разбирал стихи ребят: какие подходящие, какие никудышные... Один ученик в письме выхвалялся, что его стихи Маяковский или сам Пушкин похвалил бы! Но поэт, который вёл передачу, раскритиковал его стихи. Слушал я и готов был сквозь землю провалиться! У меня уши горели так, будто их Пушкин с Маяковским надрали мне!..

— Но ведь поэт ругал того мальчишку, а не тебя, — говорю ему. — Почему же тебе-то жарко стало?

— Потому что мои стихи точь-в-точь такие же, как у него!

У меня: Плывут по небу облака...
В бидонах много молока.

У него: Тучки по небу плывут,
Ребята в школу все бегут.

У меня: В небе гром та-ра-ра-ра!..
Едут в поле трактора.

У него: Трактора все в поле пашут.
Нам наварят дома каши...

Белиберда! — в сердцах махнул рукой Генка.

— Так это тебя по радио за уши-то отодрали? — обрадовался я.

— А ты что думал?

— Я думал, что помешался от переутомления, когда целый день писал поэму в своём рабочем кабинете.

Генка только поморщился с досады. Потом со злостью сказал мне:

— Я думал, что у меня талант проявился, а это ещё не талант, а вовсе... — Он строго посмотрел на меня: — Смотри про мои стихи ни гугу! — И показал мне кулак. — Молчок! Понял?

Я ударил себя в грудь ладонью и сказал:

— Могила!

Такую клятву давать я у Генки научился. Она означает: «Никогда никому ни за что на свете не скажу!»

Про свой сон я не стал ему ничего говорить. Зачем зря человека расстраивать?

И мы по тропинке гуськом пошли дальше. Прошли так молчком шагов сто или немножко побольше, и Генка, не оглядываясь на меня, будто самому себе под нос пробурчал:

— Хорошо, что я вчера ту передачу по радио прослушал, а то бы тоже стал считать себя настоящим поэтом. — Потом оглянулся на меня и добавил: — Чтобы писать стихи, задатка таланта мало, нужны ещё и большие знания. А у меня знаний-то пока всего кот наплакал. Вот подучусь, тогда посмотрим... Но сейчас — помалкивай! Ясно?

Я сказал:

— Ясно.

Только мне от этого «ясно» стало грустно. Стихи писать Генка теперь вряд ли станет. И своего знаменитого поэта у нас в селе теперь никогда не будет.

«Школа механизации»

Ураа-а-а! Занятия в школе кончились, я перешёл в пятый! И никаких заданий мне на лето ни по русскому, ни по арифметике не дали. Вывели за год чистые тройки!

Учителям была со мной целая морока — так говорила маме её подруга, учительница немецкого Эльза Эдуардовна. Учителя не знали, что им со мной делать: перевести меня в пятый или дать мне задание на лето? Судили, рядили и всё-таки решили перевести в пятый без всякого задания.

Генку с пятёрками да четвёрками перевели в шестой класс без разговора.

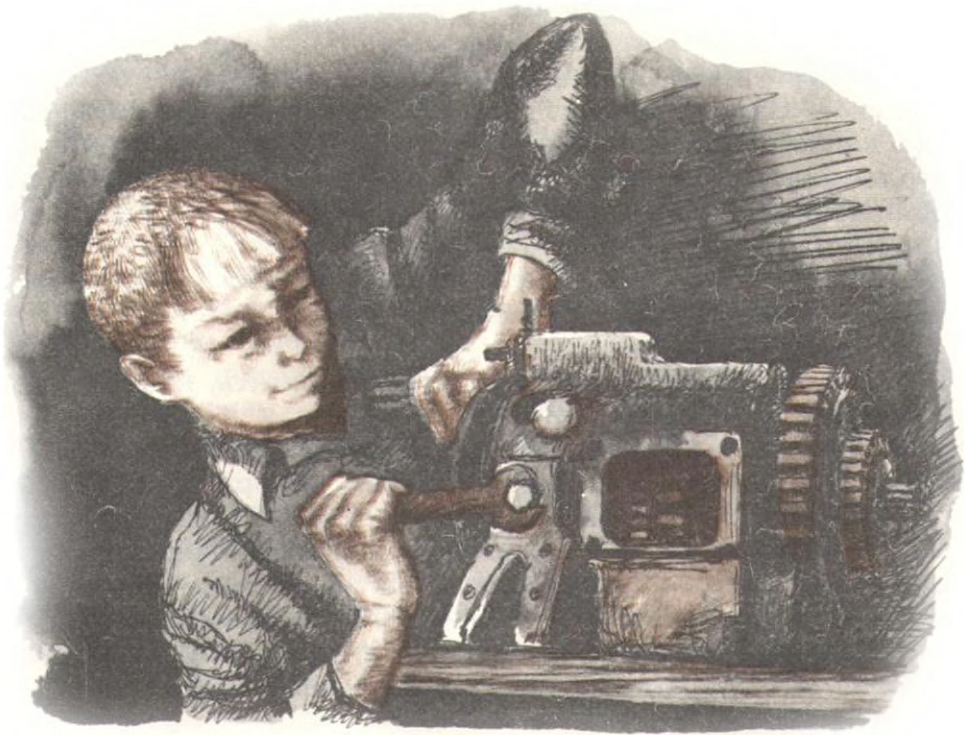
Вот бы мне так учиться! Я от счастья, наверно, под потолок бы подпрыгнул. И мама обрадовалась бы прямо не знаю как!

Но у Генки никто не радовался и под потолок никто не прыгал, а только и знают все ворчат на него: «Вот неугомонный... Опять наш неугомонный... Куда запропастился неугомонный?»

Сам Генка своим пятёркам да четвёркам тоже не очень радуется. «У меня есть дела поважнее», — говорит.

Предбанник теперь был уже не рабочий кабинет, а «школа механизации». В ней Генка изучал трактор. Когда я пришёл к нему, он конструировал (это Генка так говорит) коробку передач и муфту сцепления. Где-то раздобыл всяких рычагов, шестерёнок и теперь собирал их. И меня заставил помогать ему.

— Зачем нам с тобой всё это? — спрашиваю его. Мне неохота было целыми днями торчать в предбаннике и возиться со ржавыми железяками.

— Селу нужны кадры механизаторов. Нам надо ускоренно осваивать технику. Понятно?

Он всегда так спрашивает: «Понятно?» Или: «Ясно?»

— Когда будем учиться в десятом классе, тогда и освоим, — говорю ему.

Генка сразу губы надул.

— Не хочешь — не надо, ведь я тебя не звал сюда, ты сам пришёл. Сиди дома и жди десятого класса, а я на лето уже пойду в штурвальные.

— В штурвальные берут только старшеклассников, — напомнил я ему.

— Ну, в полштурвальные!

— Таких не бывает.

— Не было — так будет! — стоит на своём Генка. — Я окажусь новатором!

С ним лучше не спорить: его всё равно никогда не пере согласишь.

Два дня мы корпели и кое-как всё-таки свинтили Генкины проклятые железки. После этого он торжественно вынул из кармана сложенный вчетверо тетрадный листок бумаги и развернул его на столе. На листке по углам были нарисо-

ваны кружки и помечены цифрами 1—3—4—2... Были и ещё кружки с другими цифрами.

— Так включаются скорости трактора, — пояснил Генка. — Надо держать в уме этот прямоугольник и цифры, где какая скорость находится. Посередине этого прямоугольника, где пересекаются диагонали, стоит нейтральное положение, то есть нет никакой скорости, все они выключены. Запомнил?

— Нет, — говорю, — не запомнил. У меня очень плохая память, Борис говорит — девичья.

Генка усмехнулся:

— Ничего бы тебе такую девичью память, как у Эммы в шестом классе. Отличница!

— Она в седьмой перешла, — напомнил я ему.

— Это я всё по старой привычке говорю так. Теперь и я в шестом, и ты в пятом. Плохую память называют куриной, — пояснил он мне. Потом не торопясь уселся на старое-престарое сиденье и говорит: — Ну-с, теперь приступим к практическим занятиям. Левой ногой нажимаем на педаль, разъединяем муфту сцепления, правой рукой ставим рычаг на первую скорость, плавно опускаем педаль — и поехали!

Но мы никуда не поехали. Я по-прежнему сидел на скамейке, а Генка — на железном сиденье, вот и всё. Предбанник наш преспокойно стоял на месте, не собираясь трогаться. Зато Генка теперь то и дело нажимал на педаль «муфты сцепления», которой и в помине не было, нагибал рычаг то в одну сторону, то в другую, приговаривая:

— Вторая, третья, четвёртая!.. Крутой подъём — опять первая... Даём заднюю... Остановка — ставим рычаг в нейтральное положение, глушим мотор. Приехали. — Он слез с сиденья и радостно потёр руки: — Теперь я могу включать скорости с закрытыми глазами.

Потом и до меня добрался, заставил осваивать всю эту премудрость. Только я путал скорости и вместо первой включал заднюю, а вместо нейтрального положения давал четвёртую. Генка не сердился и не орал на меня, он спокойно объяснял, приговаривая:

— Ничего, терпение и труд всё перетрут! Освоишь и ты...

После «практического занятия», на котором я пролил семь потов, мы пошли наконец купаться на речку.

На отлогом берегу реки у самой воды стоял трактор «Беларусь» с навешенным стогометателем. Тракториста нигде не было видно.

— Как же трактор очутился здесь без тракториста? — удивился я.

— Дядя Миша, наверно, купается где-то поблизости. Его трактор, — пояснил мне Генка.

Мы подошли к трактору. Генка заглянул в пустую кабину и начал пояснять мне:

— Вот педаль муфты сцепления, а та вон — тормозная педаль... Эх, поездить бы теперь на нём!

Тут из-за кустов показался тракторист в комбинезоне. Он на ходу расчёсывал мокрые волосы. Быстро подошёл к нам и весело спросил:

— Юное поколение интересуется техникой?

— Осваиваем, — важно ответил Генка. Потом вздохнул и добавил: — Да вот беда: практической езды у нас нет.

— Так за чем же дело стало? Едемте со мной в поле, по дороге и попрактикуетесь водить трактор, — улыбнулся дядя Миша.

Генка здорово обрадовался:

— Конечно, поедем!

— Тогда садись быстрее в машину, — командует дядя Миша.

Генка тут же полез в кабину.

— Петя, айда с нами!

Но я без разрешения мамы поехать с ними в поле не мог. Они уехали, а я остался. Маме почему-то всегда кажется, что со мной обязательно может что-то случиться, если я без её разрешения куда-нибудь уйду.

Когда брат Борис служил в армии, маме тоже казалось, что с ним там может случиться беда: шутка ли, человек служил в авиации, летал на самолёте! Если от Бориса не было целую неделю письма, мама места себе не находила.

Папа успокаивал её, говорил, что ничего с Борисом не случилось, просто он очень занят.

Борис тоже писал, что он здоров как бык, что с ним никогда ничего не случится, но писать каждый день домой у него нет времени...

А мама одно своё твердит: «Боря служит в авиации, самолёт может потерпеть аварию...»

Если бы Борис служил во флоте, то маме, наверно, казалось бы, что её сын может утонуть.

Борис вернулся домой целёхонек. Теперь мама оберегает только меня.

А вот Генка — вольный казак: что хочет, то и делает,

куда захочет, туда и пойдёт, хоть на целый день, хоть за десять вёрст!

Вечером он вернулся такой чумазый, такой запылённый, что у меня даже слёзы навернулись на глазах от зависти. Вот бы мне стать таким!

Генка на речке намыливается, смывает с себя всю грязь да приговаривает весело:

— Эх, славно мы работнули сегодня с дядей Мишей, какой стог сена сметали!

— Завтра опять поедете?

— Нет, завтра мы становимся в текущий ремонт: перетяжку сделаем, кое-какие детали заменим...

На другой день мама не разрешила мне идти с Генкой в мастерскую помогать дяде Мише ремонтировать трактор. Говорит:

— Испачкаешься там весь с головы до ног и грубых слов наслушаешься.

Генка целую неделю ходил в мастерскую без меня, а я скучал целыми днями один дома. Потом дядя Миша уехал в РТС вытачивать какую-то деталь, и Генка наконец-то остался дома. Я с радостью побежал к нему.

Мать послала Генку в магазин за хлебом, и я пошёл с ним.

Идём по улице, говорим про всякую всячину, какая на ум нам взбредёт. Видим: возле одного дома стоит заведённый трактор ДТ.

— Мотор работает на малых оборотах, — пояснил мне Генка. — Тракторист, наверно, дома обедает.

И мы пошли своей дорогой дальше.

Вдруг трактор ни с того ни с сего тронулся с места и тихо поехал задом прямо на избу.

— Генк, глянь-ка, трактор-то сам поехал!

Генка оглянулся и побледнел весь:

— Скорость от сотрясения включилась! Сейчас трактор на избу наедет!

Со двора выбежала испуганная тётенька, хлопает себя по бёдрам руками, кричит:

— Андрей-то где же?! Ах, батюшки светы, сейчас всю стену разворотит!.. Поставил трактор против чужой избы, а сам ушёл чёрт-те куда! — И она со всех ног побежала искать тракториста.

Но трактор уже подъехал к стене.

Тогда Генка сорвался с места, уцепился за распахнутую дверку и одним махом вскочил в кабину трактора.

— Генка, не надо! — кричу ему. Меня дрожь охватила от испуга. Сейчас трактор начнёт ломать стену, и она придавит Генку в кабине.

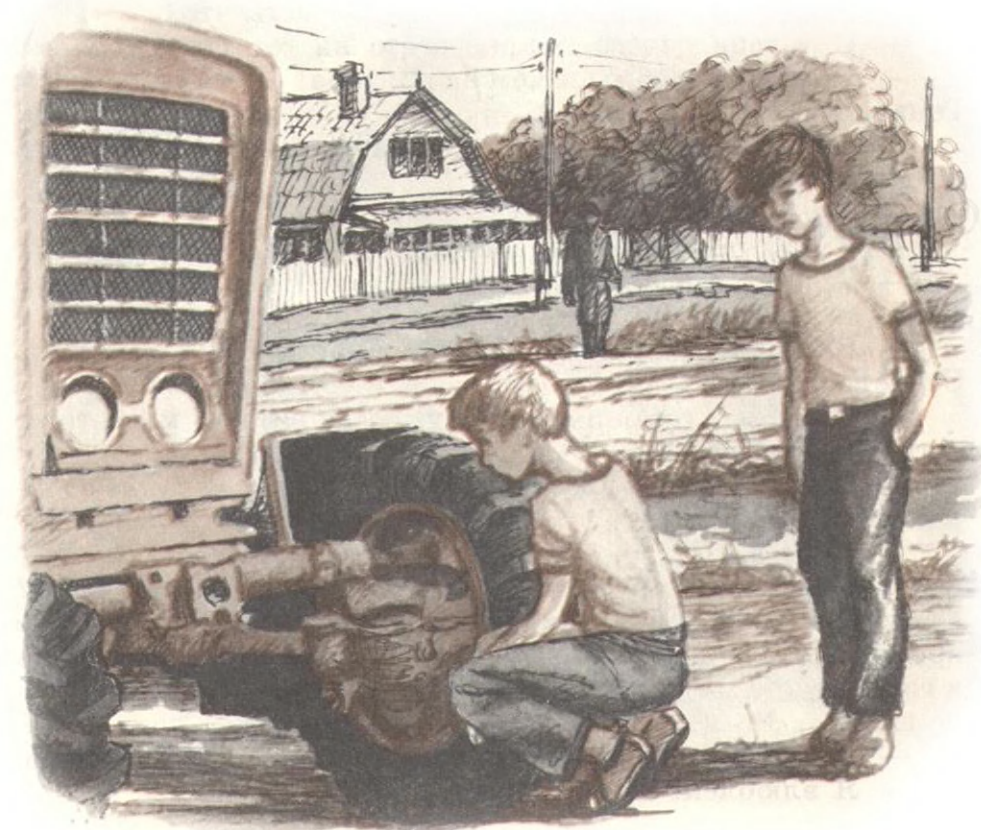
В прошлом году вот так же тракторист оставил заведённый трактор в гараже, а сам ушёл в мастерскую. Разговаривает там с кузнецом, покуривает... Вдруг у трактора сама включилась задняя скорость, и трактор начал пятиться назад. Разворотил всю саманную стену и выехал наружу. Тракторист увидел в окно из мастерской, что натворил его трактор, прибежал и остановил машину.

— Генка, вылезай скорее!..

Но Генка меня не слушает. Губы у него плотно сжаты, лицо бледное. Он что-то сделал в кабине, и... трактор остановился! Потом опять что-то ещё сделал, и трактор поехал вперёд. Отъехал от стены подальше и там встал.

Генка выпрыгнул из кабины. Тут только к нему подбежал запыхавшийся тракторист.

— Ну-у-у мо-ло-дец! — похвалил он Генку и облегчённо вздохнул.

Генка до смерти не любит, когда его хвалят. Поэтому сразу насупился.

Тракторист по-дружески улыбнулся:

— Да ты, Гена, не обижайся, я ведь от души сказал! Как же ты сумел остановить трактор?

Генка отряхнул ладони и спокойно так ответил:

— Изучаем помаленьку технику. — И повернулся ко мне: — Пошли, а то мама теперь заждалась нас с хлебом.

И мы бегом припустили к магазину.

Генкиной души царица

Вбежал я к соседям в дом и от удивления чуть-чуть через порог не грохнулся! Генка в кухне сидел за столом перед зеркалом и... брился!

— Ты чего делаешь?!

— Дрова пилю, — ответил Генка и ещё сильнее начал водить по голым щекам электробритвой.

— У тебя и брить-то ещё нечего!

— Это у тебя нечего, а у меня уже есть что.

— И у тебя нечего, ты же всего на год старше меня.

— Не на год, а больше чем на полтора! — стоит на своём Генка.

Его теперь ни за что не переубедишь. Я решил спросить по-другому:

— Ты куда собираешься?

— Куда надо, туда и собираюсь, — важничал Генка.

— Ген, ну скажи-и, скажи-и... Какой же ты мне друг после этого, если не хочешь сказать?

— Вот прицепился как репей... Скажи ему да скажи... Секрет.

— Тогда и я тебе ничего не буду говорить! У меня тоже есть секреты.

— Вот уж сразу и грозить начал... Ну, на свидание собираюсь.

— Куда-а-а?!

— Говорю тебе русским языком — на свидание! Ясно?

Ещё как ясно! Что за штука такая свидание, я знаю: это когда парень с девушкой вечером встречаются где-нибудь и говорят про любовь. А вот что они говорят, хоть лопни — не знаю.

— Зачем оно сдалось тебе, это свидание? — спрашиваю.

— Я влюблён! Понимаешь?

— Теперь понимаю. Но зачем же ты влюбился-то?

— Ну, вот когда сам влюбишься, тогда поймёшь, зачем влюбляются.

— Я тебя люблю, — говорю ему по чистой совести.

— Это не любовь, а дружба мужская.

— Мы ведь ещё не мужики, а дети, — говорю ему.

Генка опять усмехнулся:

— Нечего сказать, хороши дети! Я через пять лет весной пойду служить в армию, ты — через шесть лет осенью. С оружием в руках будем стоять на страже Родины!

— Это ещё не скоро, мы тогда вырастем.

Генка и тут нашёл что сказать мне:

— Но если завтра Родина окажется в опасности, ты, что же, будешь дожидаться, когда вырастешь?

— В какой опасности? — спрашиваю.

— Враги нападут на нас! Ты будешь сидеть сложа руки и ждать, когда тебе стукнет восемнадцать лет?

Я не знал, что я буду делать, если завтра враги нападут на нас, поэтому промолчал.

Только Генка всё равно не унимался, знай своё доказывает мне:

— Аркадий Гайдар в революцию не ждал, когда ему исполнится восемнадцать лет. Он в четырнадцать лет добровольно пошёл на фронт и через год уже командовал полком!

— Таких маленьких на фронт не берут.

— Он прибавил себе два года, сказал, что ему шестнадцать лет.

— Обманывать ведь нехорошо, — напомнил я.

— Для пользы Родины иногда можно сказать неправду, это прощается, — пояснил Генка. — А сколько в Великую Отечественную войну было пионеров-героев! Они ведь нам с тобой были ровесники, а как боролись с фашистами!.. Ордена и медали получали за храбрость!

Нам пионервожатая рассказывала и про Гайдара, и про пионеров-героев, это я хорошо знаю, а Генка всё допекает меня:

— А ты — «ребятишки, ребятишки»!.. — передразнил. — Ещё соску себе в рот воткни!

Я уже и не рад был, что так сказал.

— Мы мужчины, и дружба у нас с тобой мужская! Ясно?

— Теперь, — говорю, — ясно... — Чтобы только он поскорее отвязался и заговорил про что-нибудь другое, ну, про это, про своё свидание.

— А влюбляются только в девчонок.
— Девчонок я не люблю: они ябеды.
— Мне тоже ещё недавно не до девчонок было, но вчера уже влюбился, а сегодня вот спешу на свидание. И на тебя любовь может в два счёта нагрять!
— Как я узнаю, что она нагрнула?
— Когда на свидание захочешь пойти, значит, нагрнула!
— С кем же у тебя будет свидание?
— С Эммой! — гордо ответил Генка.
— Она такая вредная, такая задавала!.. Всегда нос кверху задирает... «Я отличница, я хорошо пою, я играю на пианино!» Якала!

Генка вздохнул и говорит:

— Тебе якала, а мне нет.

И щёткой начал прочищать электробритву, продувать её, хотя на ней не было ни одного волоска. Потом он аккуратно уложил бритву в футляр, защёлкнул кнопки и спрятал в шкаф.

— Теперь поодеколонимся.

Пошёл в горницу и тихонько, под нос себе, запел.

Горница у них просторная, светлая.

В одном простенке стояло от потолка до пола трюмо. Генка взял с тумбочки флакон, отвернул пробку, налил себе в ладонь одеколону и начал растирать его по всему лицу, голове, шее...

— Ты тоже Эмме цветов нарвёшь? — спрашиваю.

— Без цветов на свидание идти не полагается, — разъяснил мне Генка.

— Где же будет у вас свидание?

— У берёзовой рощи.

Мне охота стало поглядеть, как они с Эммой встретятся, и я начал просить Генку:

— Ген, возьми меня с собой.

— Свидание при посторонних не бывает. Ясно?

— Я же не посторонний, я твой друг! Возьми, Ген...

— Всё равно и другу нельзя, — упрямится Генка. — Любовное свидание — тайна для всех — хоть друг, хоть кто...

— А когда на меня любовь нагрнет, что я буду делать? Я же не умею. Мне надо научиться. Я спрячусь где-нибудь за кусточком, Эмма и не увидит... Возьми, Ген...

И Генка согласился.

— Так и быть, — говорит, — перенимай опыт у старшего товарища!

Мы вышли из дома. Генка запер дверь на замок, а ключ спрятал под дверью в потайное место. Через сад мы пробрались на огород, потом вышли на дорогу. Раньше по этой дороге ездили в деревню и машины, и подводы. Когда же все жители деревни переехали в село, по дороге стали ходить одни пешеходы, и то до берёзовой рощи, а за рощей дорогу распахали. Но дорога к роще была ещё твёрдая, травой не поросла.

От Генкиного дома до рощи совсем близко, меньше километра. Только взойдёшь на бугор — и роща вот она!

По одну сторону дороги была роща, а по другую Сухой лог тянулся. По этому логу весной ручьи с гор стекали в речку. За логом начинался Широкий дол, а дальше торчали макушки гор. На горах цвёл ковыль. Цветёт он длинными пушистыми и белыми-белыми нитями. От их белизны горы издали кажутся припорошёнными снегом. Красиво так! Кругом зелень, а горы белые.

Дедушка говорит, когда журавли летят в небе и видят белые горы внизу, им сверху тоже кажется, что на землю выпал снег, пришла раньше времени зима, и журавли испуганно кричат: «По-гиб-ли!.. По-гиб-ли!.. По-гиб-ли!..»

По дороге я спросил Генку:

— Ты Эмме записку написал?

— Нет.

От удивления я даже остановился.

— Как же она узнает про твоё свидание?!

Генка засмеялся:

— Я к ней неожиданно подойду!

— А может, она не придёт сюда, мы и проторчим тут зря до вечера?

— Придёт.

— Почему ты так думаешь?

Генка начал мне пояснять:

— Ты ведь знаешь: мать у неё учительница, отец — доктор. Вот они своих детей и воспитывают по строгому режиму...

Чего-чего, а строгий режим-то я хорошо знаю, он мне надоед хуже горькой редьки! Моя мама работает воспитательницей в детском саду и меня воспитывает этим режимом: вовремя вставай, вовремя ешь, вовремя готовь уроки, вовремя спать ложись... Всё вовремя, вовремя и вовремя... Без режима и шагу нельзя шагнуть.

А Генка всё разъясняет мне:

— Маленького Эдика днём спать они укладывают ровно в три часа. До этого Эмма целый час гуляет с ним, в коляске его катает по улице. На улице сейчас без конца машины снуют, пыли много. Поэтому Эмма возит братишку к берёзовой роще дышать чистым, целебным воздухом. Подкатит она колясочку к роще — а я тут как тут!

До чего же у Генки всё так ловко получается! Я бы ни за что такое не придумал.

Мы подошли к роще.

— Идём в Широкий дол за цветами, — зовёт меня Генка.

Перебегаем Сухой лог и входим в дол. Хороших цветов в этом долу не было. Цвёл ковыль, росла сурепка, попадался татарник... Генка говорит, это бурьян, а не цветы.

Настоящие цветы росли в осиннике, три километра отсюда: там есть и ландыши, и колокольчики, и кукушкины слёзки, и ещё много всяких... В последний день занятий мы ходили туда на экскурсию всем классом вместе с классным руководителем, и каждый принёс оттуда по большому букету цветов. Если теперь идти в осинник за цветами, то мы вернёмся только к вечеру. Эдик уже дома будет спать без задних ног, и Генкино свидание пропадёт.

Он это тоже понял.

— Ладно, — говорит, — я нарву ей дремý.

Дремóй у нас называют такое съедобное степное растение. Стебель у него четырёхгранный, без листьев. А едят дремý, когда она ещё молодая. Кожицу счищают (она хорошо, ленточкой отделяется с каждой грани), и зелёный, сочный стебелёк — хруп, хруп, хруп... А дремóй её прозвали за то, что верх стебля с семенами у неё всегда клонится к земле, как у подсолнуха шляпка, будто она задремала.

Мама говорит, что весной, когда к столу нет никакой зелени, крестьяне издавна пользуются дарами природы: рвут в степи чеснок, щавель и эту самую дремý.

В долу дремá — на каждом шагу попадалась, но мы выбирали самую толстую и молодую, которая ещё не начинала цвести.

Я так старательно рвал дремý, что и про Эмму позабыл. Но Генка не забывал про неё. Рвёт дремý, а сам всё на дорогу поглядывает.

— Вон она, появилась души моей царица! Катит гордость нашей школы! — обрадовался он.

Когда Генка начинает говорить вот такие красивые

слова, я слушаю не наслушаюсь, смотрю не насмотрюсь на него и ещё больше люблю своего друга.

— Ты чего на меня уставился? Вон куда гляди! — махнул он рукой.

Я посмотрел на дорогу: по бугру Эмма катила коляску со своим братиком.

— Пошли, — кивнул мне головой Генка.

Когда мы спустились в лог, Эмма уже подошла к роще и почти поравнялась с нами. По обеим сторонам лога рос густой кустарник.

Я остался в логу за кустом, а Генка вышел к Эмме на встречу.

Она увидала в руках у Генки дремú и сразу спрашивает:

— Гена, где это ты такой крупной дремý нарвал?

— В долу. Там её уйма!

— Гена, ты побудь, пожалуйста, немного с Эдиком, а я сбегаю в дол и тоже нарву себе дремý, — попросила Эмма и так ласково посмотрела на Генку, что тот, наверно, от волнения подёргал себя за чёлку.

— А он реветь не будет?

— Не-е-ет, Эдик у нас такой спокойный!..

— Ну, если спокойный, тогда дуй быстрее, я побуду с ним.

Эмма тут же со всех ног так припустилась в дол, что только пятки засверкали.

Я не знал, что же мне теперь надо было делать: выходить к Генке или оставаться за кустом? Кончилось у них свидание или ещё не начиналось?

Генка в это время начал забавлять Эдика разговором:

— Как дела, как поживаешь, брат? Тпруце? Это что же по-вашему значит? Хорошо или плохо? Ты говорить-то умеешь хоть немного? Да или нет? Ну вот — опять «тпруце»... Скажи: «Я буду космонавтом». Не умеешь? Ладно, это полбеда... Скоро научишься и будешь трещать как со-рока! Хочешь, я тебе сказку расскажу? Ты какие любишь сказки: смешные или страшные? «Как мужик барина про-учил» тебе ещё не рассказывали? Умора! Со смеху надор-вёшься... Да что тебе далось это «тпруце»? Сказку, спраши-ваю, рассказать? Заладил, как попугай, «тпруце» да «тпру-це»! Петя, иди сюда, — позвал меня.

Я вышел из кустов и подошёл к Генке.

— У тебя ведь есть такой же карапуз — двоюродный братишка, ты кое-когда играл с ним... Скажи, что на пацанском языке означает «тпруце»? Я с ним и так и эдак, и про то ему, и про другое, а от только твердит «тпруце» да «тпруце»!

— Это он пить так просит, — догадался я.

Генка присвистнул:

— Вот это но-о-омер!.. Что же нам теперь делать?

— Надо его напоить.

— Че-е-ем?

— Водой.

— И я знаю, что не землёй, — огрызнулся Генка. — Где ты её возьмёшь, воду-то?

Это верно, воды поблизости нигде нет. А маленьких ребятишек полагается поить только кипячёной водой.

Генка подёргал себя за чёлку. Первый раз он был такой растерянный, не знал, что ему теперь делать.

— Ну-ка посмотрим в коляске, может, Эмма с собой водички прихватила?

Генка начал рыться в коляске: пошарил по углам, посмотрел под матрацем.

— Нашёл?

— Ничего нет, — развёл руками Генка и огорчённо вздохнул: — Не догадалась Эмма взять с собой воды в бутылочке... Не могла сообразить, что мальчишка в такую жару пить запросит, а ещё отличница!

Эдик сидел в коляске с крытым верхом и смотрел на нас, ждал, когда же мы его напоим.

Генка опять в раздумье подёргал себя за чёлку:

— Как же нам теперь быть?

Пока мы так разговаривали с Генкой, к Эдику в коляску успела заползти божья коровка. Таких букашек ни одна птица не клюёт, поэтому их везде много развелось.

Эдику надоело ждать, и он, наверно, решил так: «Раз вы мне не даёте воды, то я хоть букашку съем!» Сцапал её ручонкой и хотел себе в рот сунуть.

Генка вовремя увидел, да ка-а-ак заорёт на него:

— Не на-а-ада-а-а! Бяка!.. Тьфу!.. Брось её!

Эдик испугался такого окрика и заплакал. Я ещё никогда не слыхал, чтобы маленькие ребятишки так плакали. Другие малыши плачут звонко, тонюсенькими голосками, а Эдик гудел как в трубу:

— У-у-у... У-у-у-у...

Генка тоже удивился:

— Эге-е-е, вот это басо-о-ок!.. Вот даё-о-от!

Эдик, наверно, понял, что над ним смеются, ещё громче начал от обиды реветь:

— У-у-у!.. У-у-у-у!..

— Как же его теперь унимать? — спрашивает Генка.

— Поплачет, заплачет да перестанет.

— Так не годится, — упрекнул меня Генка, — получится расстройство нервной системы, и останется он на всю жизнь нервнобольным. Твоя бабушка как своего внука унимает, когда он расплчется сильно?

— По-разному унимает: и песенки поёт, и прибаутки говорит, пальцами прищёлкивает, погремушками гремит и даже приплясывает...

— Погремушек в коляске тоже нет, — с досадой махнул рукой Генка. — И о чём только эта Эмма думала, когда собиралась с мальчишкой на прогулку!.. А какие прибаутки бабушка говорила, помнишь?

— Помню.

— Ну-ка, скажи их Эдику, может, он от них перестанет плакать.

— Прибаутки хорошо у бабушки выходят, а у меня они не получаются.

— Да ты хоть попробуй! — настаивал Генка.

— И пробовать нечего, не сумею я по-бабушкиному... У меня нет опыта.

— Но ты же слыхал, как она говорила! — напирал на меня Генка.

— Слыхал, но сам не говорил — это ведь большая разница.

Генка начал сердиться.

— Какой же ты друг после этого, если не хочешь меня из беды выручить?! — кричит на всю рощу. — Это, если хочешь знать, предательство!

Тогда я решил выручить его из беды. Так и быть, попробую уговорить Эдика по-бабушкиному.

Эдик сидел в коляске и трубил во всю ивановскую. Подхожу к коляске и наклоняюсь над ним.

— Не плачь, Эдик, не плачь — испеку тебе калач!

Калачи горячи, разбежались по печи.

Один калач припустился вскачь:

Прыг-скок, прыг-скок прямо Эдику в рот!..

Эдик обжигается, на меня ругается...

Мы калач поставим, остывать заставим,

А остынет — поедим и нашей кысоньке дадим.

От моих прибауток Эдик реветь не перестал, не подействовали они на него.

— А песни какие бабушка поёт? — не унимался Генка.

— Какие ей на ум взбредут, такие и поёт, но чтобы весёлые были, а не грустные или протяжные, — говорю ему.

— Ты хоть одну назови для примера, — требовал Генка.

— Ну, например, вот такую:

А барыня, барыня, барыня-сударыня...
А барыня угорела, много сахара поела!

— Про барыню и я знаю! — обрадовался Генка. — По радио передавали пьесу Максима Горького «Васса Железнова». Там брат Вассы пел:

Шла барыня из Ростова
Посмотреть на Льва Толстого.
А барыня из Орла — она шла
Не знай куда.

Давай и мы споём ему, тогда он, может, перестанет, — предложил Генка.

— Я не умею, — стал отнекиваться.

— А я, по-твоему, умею? Пой! — грозно приказал мне.

Куда же тут денешься? Пришлось мне подчиняться. И мы в два голоса начали перед Эдиком петь про непутёвых барынь. Пели, да приплясывали, да пальцами прищёлкивали.

Только Эдик от нашего пения ещё пуще разорался.

— Он, наверно, подумал, что мы с тобой с ума спятили, — говорит Генка.

— Кто его знает, может, и подумал, — отвечаю.

— А ты говорил, от песен ребятишки перестают плакать, — упрекнул меня совсем расстроенный Генка. — Только зря старались.

— Это у бабушки перестаёт внучек плакать, а мы же с тобой не бабушки.

Мы не знали, что теперь нам с Эдиком делать, как ещё унимать его...

И тогда Генка стал звать на помощь Эмму:

— Эм-ма-а-а!.. Эм-ма-а-а!.. Идё-о-ом сю-да-а-а! — и вдовбавок протяжно свистнул.

Свистеть он умеет до того громко, что у меня всегда в ушах ломит от его свиста. Мне тоже охота научиться так пронзительно свистеть, но у меня не получается.

— Зови и ты, — ткнул меня Генка в бок кулаком.

Я тоже начал орать во всю глотку:

— Эм-ма-а-а! Эм-ма-а-а!

Генка свистит, я ору, Эдик ревёт, грачи в роще испугались, тоже галдёж подняли на весь лес.

— Что она там, оглохла?! — с досадой говорит Генка.

Эмма всё-таки услышала наш крик, прибежала из дола:

— Что у вас там случилось?! — спрашивает с той стороны лога.

Генка махнул ей рукой:

— Иди сюда скорее!

Эмма подбежала, запыхалась. Заглянула в коляску к Эдику и руками всплеснула:

— Ужас! Что вы тут с ним наделали?!

Генка обиделся:

— Ничего мы с ним не делали, сам он, твой «спокойный» братец, ни с того ни с сего разревелся... Унять никак не можем.

Эмма торопливо сунула пучок дремы в дальний угол коляски, стала успокаивать братика:

— Молчи, молчи... Ух, какие они нехорошие, до слёз довели тебя... Сейчас мы с тобой домой поедem, искупаемcя, бай-бай ляжем...

И Эдик перестал плакать, перестал без всяких песен, прибауток.

Генка только руками развёл.

Эмма кое-как вытерла платочком Эдику нос, слёзы, сунула платочек себе в карман и чуть ли не бегом покатила братика домой. На нас с Генкой и не взглянула, рассердилась.

Мы с Генкой остались на дороге вдвоём.

Больше он не устраивал свиданий с Эммой. Говорит, характерами они не сошлись.

Смертельный обрыв

К Генке я хожу почти каждый день, про это я уже говорил. И каждый раз он делает что-нибудь новое. Только я вошёл к ним во двор и сразу вижу: Генка в саду на турнике висит вниз головой. Зацепился за перекладину согнутыми в коленях ногами и висит.

Вообще-то в саду был ненастоящий турник. Недавно

приезжала погостить Генкина тётка со своей четырёхлетней дочкой, Генкиной двоюродной сестрёнкой. Дядя Ваня, Генкин отец, и сделал в саду для своей маленькой племянницы качели. Врыл в землю два столба, прибил к ним сверху железную перекладину, а к ней привязал купленные в магазине качели.

Когда отпуск кончился, гости уехали к себе домой, в город, качели сняли и спрятали до другого раза, а столбы с перекладиной так и остались стоять в саду. Генка на них не обращал никакого внимания. Но вот теперь зачем-то повис на перекладине вверх тормашками.

— Ген, ты что делаешь?

— «Смертельный обрыв» отрабатываю.

— Зачем же его отрабатывать, если он смертельный? Не надо! Слезь!.. Убьёшься ведь!

Генка строго так говорит мне:

— Ты панику не поднимай и мой спортивный азарт не снижай! Ясно?

— Ясно, но мне тебя жалко... Расшибёшься!..

— Не расшибусь, — сказал мне Генка и начал раскачиваться.

Мне страшно стало.

Генка раскачался и командует сам себе:

— Раз... два... три! — и прыгнул на землю. Он присел и чуть коснулся рукой земли.

— Шесть баллов, — сказал недовольно и опять полез на турник.

Перекладина была высоко от земли, до неё не достанешь рукой, если даже что есть силы подпрыгнешь. Но на одном столбе с полметра от земли был спилен сучок. Генка, держась одной рукой за столб, становился ногой на крохотную площадку от спиленного сучка, другой рукой хватался за перекладину, потом перехватывался и второй рукой за перекладину. Подтянулся, дрыгнул в воздухе ногами и тут же повис на перекладине вниз головой. Теперь уж без всяких разговоров раскачался, скомандовал:

— Раз... два... три! — Прыг — и на земле. — Восемь баллов! — повеселел Генка.

— А надо сколько? — спрашиваю.

— У гимнастов высшая оценка — десять баллов, — ответил Генка и снова полез на турник.

Третий раз он прыгнул так здорово, что я радостно закричал:

— Десять баллов!

— Девять и пять десятых, — поправил меня Генка. — Давай.

— Чего «давай»? — не понял я.

— Теперь ты давай прыгай, — заставляет он меня.

Я видел, как легко и просто прыгал Генка, теперь мне прыжок не казался смертельным, и я храбро шагнул к турнику.

Генка подсадил меня. Я кое-как ухватился за перекладину, еле-еле закинул ноги на неё и повис вниз головой. Повис и сразу понял: мне ни за что на свете не спрыгнуть с турника. У меня от страха душа ушла не в пятки, а в макушку (пятки теперь ведь были вверху, внизу-то макушка). Но если я и прыгну, то обязательно стукнусь лицом, грудью, животом об землю и убьюсь, получится настоящий смертельный обрыв. И зачем я только согласился прыгнуть!

Вот и у крутого берега получалось так же. Снизу от воды смотришь — берег невысокий, всего метра три будет. Но когда сверху глянешь, да как подумаешь, что надо будет вниз головой лететь до воды, — душа от страха замирает.

Только Генке хоть бы что! Разбежится, сверкнёт пятками — и бултых в воду. Да ещё успеет крикнуть:

— Гоп-ля!

Сколько раз я решался прыгнуть, как Генка, но так и не осмелился: духу не хватило. Когда же один парнишка из нашего класса всё-таки прыгнул по-Генкиному, то так шлёпнулся животом об воду, что еле-еле выбрался на берег: у него дыхание перехватило и весь живот посинел. После этого я и думать перестал нырять с берега вниз головой. Мы прыгали «колышком». Разбежишься, потом руки к туловищу прижмёшь и ногами вниз — бульк!

Теперь вот надо же было согласиться делать этот «смертельный обрыв»!

— Раскачивайся! — командует Генка. Он стоит рядом со мной голова к голове. Только я головой вниз вишу, а он стоит головой вверх.

— Ген, я не прыгну...

— Прыгнешь, это только кажется страшно, ноги сами к земле притянутся. Если кошку поднять на руки, а потом бросить вниз спиной, она всё равно успеет перевернуться и встать на ноги, — доказывал мне Генка. У него всегда есть всякие примеры наготове.

— У кошки четыре ноги, а у меня только две, да и те за турник зацепились.

— Раскачивайся, тебе говорят! Я же буду тебя подстраховывать!

— Всё равно расшибусь...

И тут Генка разозлился, да ещё как!

— Трус! — кричит на меня. — Такой друг мне не нужен! — Повернулся и пошёл.

Он ни разу меня трусом не называл — и когда я с крутого берега побоялся нырять вниз головой, и когда на лыжах не стал с самой высокой и крутой горы спускаться, и когда отказался на велосипеде прыгать с маленького самодельного трамплина... Да мало ли что Генка придумывал! Но тогда он меня не заставлял.

«Хочешь — делай, хочешь — нет, риск, говорит, благородное дело! Смелость города берёт!»

А теперь заставляет, значит, тут нет этого самого риска.

— Ген, подожди!.. Я прыгну, ты только меня немного поддержи. Ладно?

Генка вернулся.

— Говорю, буду подстраховывать.

Я раскачался.

— Командуй мне, — прошу Генку, сам-то себе я не решался приказывать.

— Раз... два... три! — выкрикнул Генка и держит руки наготове.

Я зажмурился — была не была! — разогнул ноги на перекладине и тут же оказался на земле. Правда, присел здорово, даже попятился, потом и вовсе сел на землю, но всё-таки прыгнул, прыгнул! Тут я сразу расхрабрился, снова полез на турник.

А Генка подбадривает меня:

— Смелого пуля боится, смелого штык не берёт!

Второй раз я прыгнул лучше, а третий — ещё лучше.

Генка не стал меня ни хвалить, ни упрекать за робость, будто всё так и должно получиться.

— Теперь будем отрабатывать главный элемент «смертельного обрыва», — говорит он.

— Какой такой элемент?

— Сейчас увидишь. Только сперва надо подстилку под турником помягче сделать, вместо мата.

— Из чего мы её сделаем? — спрашиваю.

— Соломы натаскаем. Пошли.

Мы от сарая принялись охапками таскать солому, которую скотина не успела поесть за зиму. Принесли по три охапки, Генка хорошо разровнял солому под турником.

Потом притащил из дома стёганое одеяло и расстелил поверх соломы. Получилось наподобие толстого матраца.

Генка схватился руками за перекладину и начал раскачиваться туда-сюда. Когда сильно раскачался, выкрикнул: «Алле!», оторвался от турника, дрыгнул в воздухе ногами и шмякнулся на мягкую подстилку.

— Сколько баллов? — быстро спрашиваю.

— Нулевая оценка, — недовольно ответил Генка. — Не получилось...

Он встал и потёр плечо.

— Ушибся?

— Ладно, подстилку мягкую догадались сделать, а то бы мог ключицу сломать, — поморщился от боли Генка.

— Как же делается этот главный элемент?

— Надо в воздухе перевернуться и ногами на землю встать, — пояснил он.

— Теперь понятно, — говорю ему, — только давай лучше не будем делать главный элемент, ведь не получается же... Хватит с нас и одного.

Я боялся, что он и меня сейчас заставит перекувырнуться в воздухе. И я-то уж наверняка сломаю себе шею.

Но Генка не заставлял меня, он сам решил ещё раз попробовать. Встал, посмотрел вверх на перекладину, потянулся к ней руками и опять поморщился.

— Больно?

— В гимнастике без травм не обойдёшься, — ответил он.

— Ты подожди, когда плечо заживёт, — начал я отговаривать его.

Да разве Генка меня послушается? Ведь он такой упрямый!

Тут, откуда ни возьмись, прибежала Генкина сестра Таня и напустилась на брата:

— С ума сошёл! Новое стёганое одеяло треплешь!

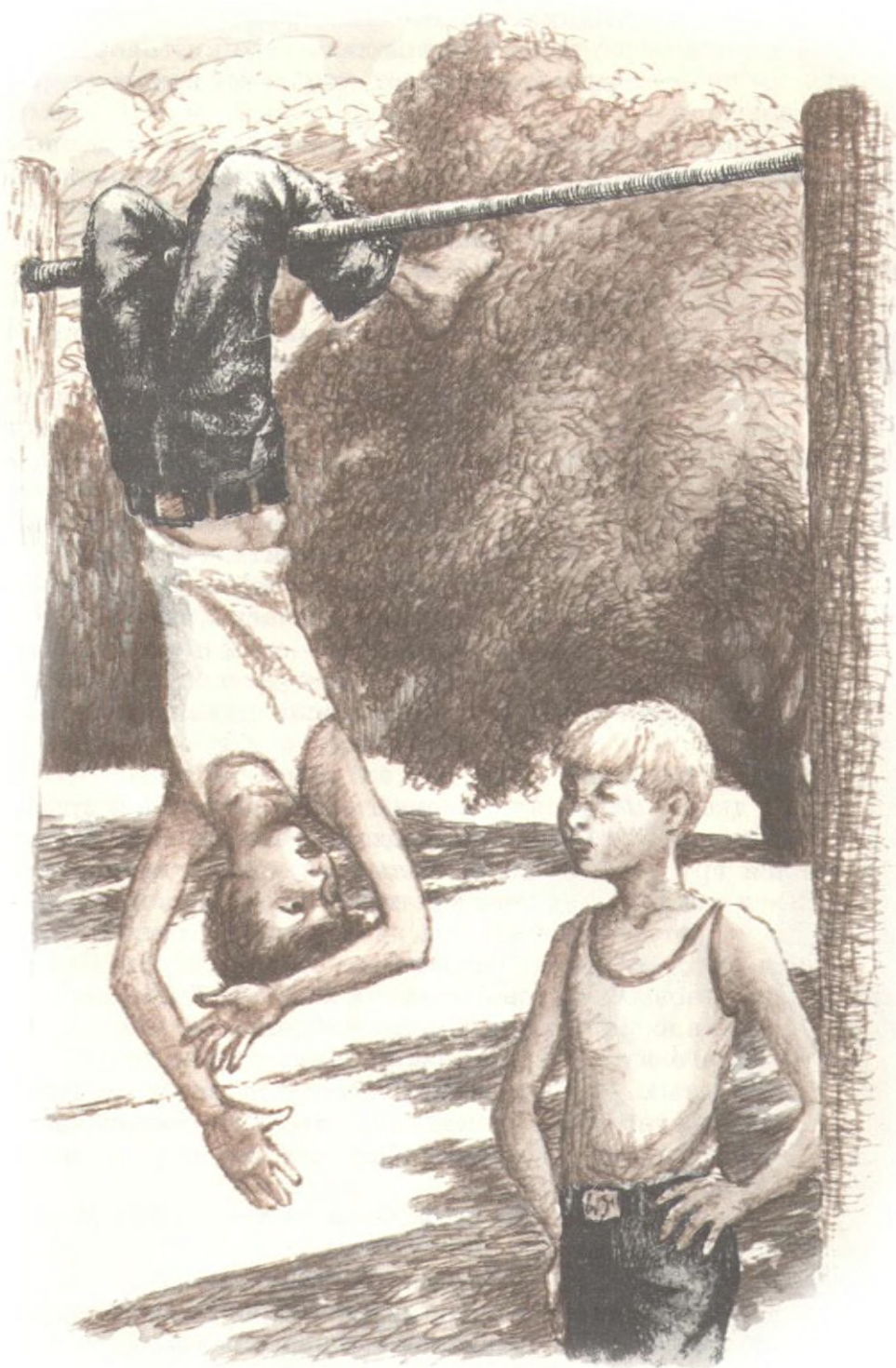
Она выдернула из-под его ног одеяло и принялась отряхивать.

Генка с насмешкой говорит ей:

— Сестра называется... Я жизнью рискую, а тебе тряпки жалко... Бери своё приданое, обойдусь и без него!

Таня тоже в долгу не осталась, тоже насмехается над Генкой:

— Насмотрелся по телевидению выступлений гимнастов. Теперь тебе лавры Николая Андрианова покоя не дают? Сам решил стать таким?

— И стану, тебя не спрошусь!

— У тебя до Андрианова нос не дорос!

Они всё время ссорятся. Таня не любит Генку, говорит — от него ни днём ни ночью покоя нет, что он всё в доме вверх дном перевернул...

Зато меня она любит, называет скромным, тихим, послушным мальчиком. Но мне не нравится быть скромным, тихим, я хочу быть как Генка, только у меня почему-то не получается. За это меня брат Борис не любит, называет всякими обидными словами. Я и размазня, и хлюпик, и маменькин сынок, и безвольный... Говорит, что если я не закалю себя физически и духовно, то в армии мне солоно придётся и вообще я в жизни ничего не добьюсь...

А вот Генку он любит, расхваливает его на все лады: Генка смелый, решительный, отважный... Генка целеустремлённый, Генка находчивый, закалённый — он в огне не сгорит и в воде не утонет! Говорит, в армию его возьмут в парашютно-десантные войска и в жизни Генка добьётся всего, чего захочет! Вот как он его хвалит!

— Я скажу папе, чтобы он разломал твой турник, иначе ты себе шею свернёшь на нём! — сердилась Таня.

— Свою сверну шею, а не твою, — огрызнулся Генка и полез на турник.

Но в это время с нашего двора послышался голос Бориса:

— Гена, подожди!

Наши дворы разделял высокий забор. Борис подпрыгнул, ухватился руками за кромку досок, подтянулся. Затем навалился грудью на забор, мелькнул в воздухе ногами и очутился в саду. Так у него всё это быстро и ловко получилось, что мы от удивления рты разинули.

— Плох тот гимнаст, который не мечтает стать Николаем Андриановым, — говорит он на ходу. — Только начинать, Гена, надо не сразу с сальто-мортале.

— А с чего же? — спрашивает Генка.

— С простых упражнений. У гимнаста должны быть крепкие руки и гибкий позвоночник. Сейчас я проверю у вас с Петей то и другое, — говорит Борис, а сам нет-нет да и глянет на Таню.

Таня тоже не уходит из сада. Стоит и всё одеяло рукой отряхивает, хотя на нём нет уже ни одной соломинки.

У Тани волосы чёрные, длинные и волнистые. Глаза и брови тоже чернящие, а щёки румяные. Бабушка Аннушка говорит, что Таня у них писаная красавица.

После школы Таня пойдёт работать на ферму дояркой. Мать её, тётя Катя, передовая доярка-трёхтысячница, орден имеет. Вот и Таня надумала стать дояркой. Они всем классом решили остаться работать после школы в своём колхозе. Да ещё написали в газету обращение ко всем выпускникам школ района с таким призывом. Другие ученики поддержали и хоть не все, но всё же многие тоже после школы будут работать в своих колхозах — кто механизатором, кто животноводом... Кому что по душе.

Борис взял Генку под мышки и поднял к турнику.

— Подтянись, сколько сможешь.

Генка подтянулся пять раз. Он, может, и больше бы смог, да плечо у него болит.

Потом Борис таким же манером поднял меня к турнику. Я уцепился за перекладину и всего-навсего только один раз смог дотянуться подбородком до неё.

— Всё ясно, — говорит Борис. — Я буду вашим тренером. Вот вам первое задание: через неделю вы должны подтягиваться на турнике по десять раз. Каждый день тренируйтесь по два раза в день — утром и вечером.

А сам всё на Таню поглядывает.

— Когда сможете удержаться на перекладине, значит, есть сила в руках.

Тут он подпрыгнул, схватился за перекладину обеими руками, подтянулся. Потом отпустил одну руку и остался висеть только на второй согнутой руке.

Мы с Генкой переглянулись: какие у Бориса здоровенные мускулы!

Борис спрыгнул на землю.

— Теперь посмотрим, умеете ли вы делать мостик.

Он легко перегнулся назад и упёрся ладонями в землю почти у самых своих пяток. Из Бориса получилось кольцо. Он постоял так немного и выпрямился.

Генка как ни старался, но так мостик и не сделал. А я и вовсе не смог сделать, где уж мне, если у Генки не получается.

— И это задание вам на неделю. Тренируйтесь ежедневно и на траве, и на песке, когда пойдёте на речку купаться. Позднее научитесь делать стойку на руках, потом...

Со двора тётя Катя позвала дочь. Таня неохотно ушла, и у Бориса сразу пропала охота быть нашим тренером.

— Задание на неделю получили — действуйте!

Обратно к себе во двор Борис не стал прыгать через забор, он пошёл в обход огородом.

За обедом мама сказала, что она получила отпуск и что мы с ней завтра же поедем гостить к дяде Толе в Оренбург.

Дедушка говорит ей:

— Петя в селе на лоне природы отдохнёт лучше, в городе теперь ужасная духота!

— Ребёнку, — это мама меня так называет. Бориса мальчиком, а меня ребёнком, — нужны новые впечатления!

Папы дома не было. Он работает агрономом, от зари до зари пропадает в поле, потому что летом горячая пора — летний день год кормит. Мама говорит, что он совсем заматался, что никогда вовремя не поест, поэтому заработает себе гастрит или язву желудка.

Если бы папа был дома, то вдвоём со своим папой — моим дедушкой — они бы уговорили маму не тащить меня с собой в душный город. Но папа мотался — это мама так говорит — где-то по полям, а дедушка один не мог переубедить маму.

И на другой день рано утром мы поехали в город за этими самыми впечатлениями. До станции ехали на автобусе, а потом на поезде.

В Оренбурге мама водила меня в цирк, в кукольный

театр, в передвижной зверинец... В детском парке катался на карусели... Ходили в Зауральную рощу, катались по Уралу на катере. Но без Генки мне всё равно было скучно, и я стал проситься домой. Я мог бы и один доехать к себе в село, но мама и слышать об этом не хотела. Она всё уговаривала и уговаривала меня ещё немного погостить у дяди Толи, а то, говорит, он может подумать, что нам не понравилось у них, обидится и не станет приезжать к нам в село в свой отпуск.

Куда же тут денешься? Пришлось мне терпеть целых двенадцать дней.

Когда приехали домой, я тут же со всех ног помчался к Генке. Вижу, в саду у них полным-полно ребят. И не разбредись кто куда по всему саду, не носились ватагой как угорелые, не сбились в кучу малу и не галдели, а стояли смирно. Стояли не как попало, стояли чин-чином в одну линию и внимательно слушали Генку. Он прохаживался перед ними такой важный, будто полковник или даже генерал, и что-то им растолковывал. Увидал меня, строго спрашивает:

— Прибыл?

Я сразу оробел от его такой строгости и кое-как ответил:

— Прибыл.

— Ну-ка скажи нам, кто стал абсолютным чемпионом по гимнастике на двадцать вторых Олимпийских играх в Москве?

Я, хоть убей меня, этого не знал.

Генка усмехнулся, потом приказывает своему однокласснику:

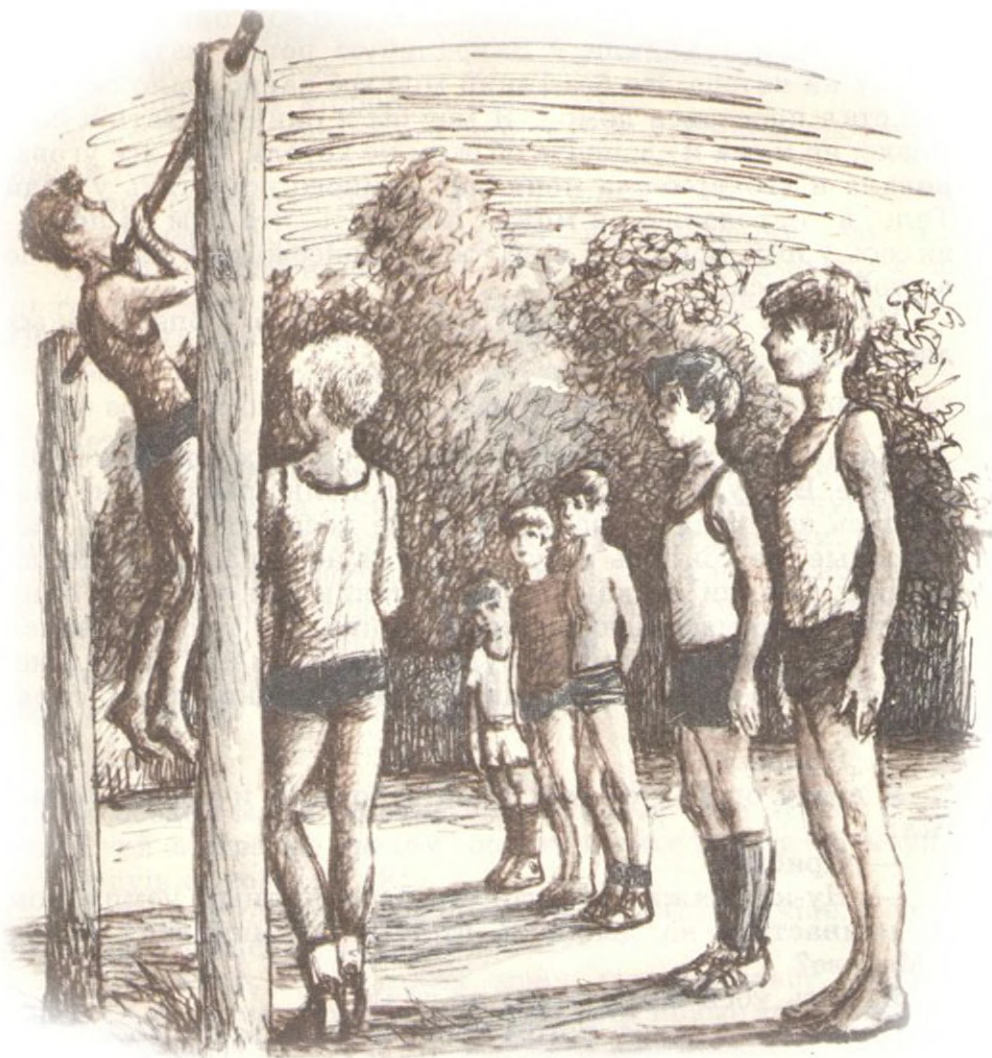
— Кочкин, скажи ему! — Назвал не по имени, а по фамилии.

Витя конопатый по-солдатски вытянулся в струнку и так протараторил, что только слова от зубов отлетают:

— Абсолютным чемпионом по гимнастике на двадцать вторых Олимпийских играх в столице нашей Родины городе-герое Москве стал советский спортсмен Александр Дитятин! Он завоевал восемь медалей!

— Ясно? — повернулся ко мне Генка.

Пока я ездил в город за своими впечатлениями, Генка тут, видать, успел наладить у ребят дисциплину ого какую! Теперь и мне нельзя держаться шалтай-болтай. Я тоже, как

Витя конопатый, опустил руки по швам, выпрямился и на военный манер ответил:

— Так точно!

— В нашу команду «Олимпийские надежды» хочешь вступить?

— Хочу! — говорю.

— Становись в строй на левый фланг, — приказал мне Генка и указал рукой, где находится этот самый левый фланг.

Я примостился в самом хвосте строя.

Потом Генка молча подошёл к турнику, подпрыгнул, ухватился за перекладину, подтянулся, отпустил одну руку

и повис на второй согнутой руке. Точь-в-точь как Борис тогда.

У меня рот сам открылся от удивления.

А Генка спрыгнул на землю, всё так же молча отошёл в сторону — раз! — перегнулся назад и сделал мостик. Потом немного оттолкнулся ногами от земли, поднял их вверх и встал на руках.

У меня чуть глаза на лоб не вылезли!

Генка перевернулся и встал на ноги. И всё молчит и на нас не глядит, будто нас вовсе тут нет. Он немного отдохнул, потом разбежался, упёрся руками в землю, мелькнул в воздухе ногами...

Он так быстро перевёртывался в воздухе, как будто колесом катился по саду.

Теперь я уже весь окаменел от изумления.

Генка отдышался, опять встал под турник и только тут объявил:

— «Смертельный обрыв», или, по-спортивному, сальто-мортале.

Он ухватился за перекладину и начал медленно раскачиваться.

Я хотел ему сказать, как же он будет делать «смертельный обрыв» без подстилки, но у меня теперь уж и язык не ворочался.

Генка что есть силы раскачался, выкрикнул «Алле!», оторвался от перекладины, перевернулся в воздухе и встал ногами на землю. Да ещё как встал! Даже не пошатнулся! Чуть только присел, вытянув руки перед собой, но это так полагается по-спортивному.

Меня до того завидки взяли, что слёзы на глазах навернулись и язык сразу заговорил:

— Как же ты сумел всё это?!

Тут Генка перестал быть похожим на полковника или даже генерала, а стал как Генка.

— Пока ты гостил в Оренбурге, я в это время усиленно тренировался, — говорит.

— Я же теперь не догоню вас!

Генка улыбнулся и похлопал меня по плечу:

— Не горюй, Петя, они ведь тоже ничего ещё не умеют. Сегодня только первый день занятий, начнём с подтягивания. Я буду тренером команды «Олимпийские надежды».

И я сразу перестал горевать: с таким тренером, как Генка, обязательно научусь делать сальто-мортале.

Звезда Генгера

Когда я пришёл на тренировку в сад, то сразу увидел на двери предбанника прибитый тетрадный лист. На нём крупно были написаны три буквы:

Н И И

Посторонним вход строго воспрещён!

Я подошёл к двери и толкнул её, она была заперта изнутри на крючок.

— Генка, я посторонний или нет? — спрашиваю через дверь.

— Тебе можно. — Он снял крючок, открыл дверь. — Входи.

Я вошёл в предбанник, и Генка тут же опять запер дверь на крючок.

— НИИ — это что такое? — сразу спрашиваю.

— Научно-исследовательский институт, — расшифровал мне Генка. — Я возглавляю конструкторское бюро, ты — мой заместитель. Ясно?

— Что же мы будем с тобой конс... конс...

— Конструировать, — подсказал Генка. Он всегда подсказывает, когда я забываю трудные новые слова. — Сейчас узнаешь. Сперва скажи мне, в какой век мы с тобой живём?

Это мне известно.

— В двадцатом веке! — быстро отвечаю.

— Тебя спрашивают, не в каком, а в какой. Не по столетиям, а по технике. Понял?

Теперь понял. Вспомнил, что Генка по технике трактор изучал, ну и говорю ему:

— Мы с тобой живём в тракторный век.

Генка махнул рукой.

— Трактора уже полвека тарахтят на земле. А ты подумай о том, что совсем недавно появилось.

Совсем недавно у нас в селе появился водопровод.

— Мы с тобой живём в водопроводный век! — радостно говорю.

Генка даже рассмеялся.

— Водопровод был ещё в Древнем Риме!

— Тогда я, Ген, не знаю, — говорю чистосердечно.

— Мы живём с тобой в космический век! — поднял Генка вверх указательный палец. — А что находится в космосе, знаешь?

— Знаю.
— Что?
— Небо.
— А в небе? — пристаёт Генка.
— В небе находятся облака...
— Это — атмосферное явление, — перебил меня он.
— В небе находятся Солнце, Луна и звёзды! — выпалил я ему.

— И планеты, — добавил Генка. — Звёзд в космическом пространстве сколько? — не унимался он.

Я несколько раз пробовал пересчитать все звёзды на небе, да только всегда со счёта сбивался. Уж больно их много, звёзд-то. Вот если бы каждая звёздочка, которую я уже пересчитал, гасла, тогда бы я, может, и добрался до конца. А то они все мигают и мигают... Какую два раза посчитаешь, а какую совсем пропустишь, потом и вовсе со счёта собьёшься.

Генка сидит на стареньком табурете, смотрит на меня и ждёт ответа. Ведь он — начальник конструкторского бюро. Не ответишь ему — он к себе в заместители возьмёт кого-нибудь из своего класса, а мне скажет: «Ты неподходящая кандидатура» — или другие какие слова. Он за словом в карман не полезет. Ну, я и говорю ему наобум — всё равно, думаю, он тоже не знает.

— На небе пятьсот звёзд.

Генка усмехнулся.

— Пятьсот... Шесть тысяч видно только невооружённым глазом. А всего в мировом пространстве два миллиарда звёзд! Вот сколько.

— Как же ты их сумел пересчитать?! — удивился я.

— Это мне стало известно из учебника по астрономии для десятого класса, — признался Генка, он уж врать или хвалиться не станет. — Многие звёзды открыли любители-астрономы, в том числе и школьники. Понял? Школь-ни-ки! Во Вселенной есть ещё не открытые звёзды. И мы должны их с тобой открыть! Ясно? Как только я открою новую звезду, назову её Генгер.

— А что это означает?

— Звать-то меня как?

— Генка.

— Геннадий, — поправил он. — А фамилия моя?

— Герасимов, — говорю.

— Теперь понял?

— Нет.

— Геннадий Герасимов сокращённо значит Генгер. Звезда Генгера — звезда Геннадия Герасимова. Ясно?

— Теперь, — говорю, — всё ясно. А если я открою?

— Тогда назовём её Пшик.

И мне сразу расхотелось открывать свою звезду. Что же это будет за звезда такая, если она Пшик? Пшик — это есть пшик, ничего то есть. Сроду мне не везёт! Генкина звезда вон как хорошо будет называться — Генгер. А моя-то — Пшик.

Раньше я думал, что у меня хорошее имя и фамилия тоже хорошая — Шиков. Борис говорит, наверно, наши предки жили с шиком, потому и фамилия наша стала Шиковы.

Но сокращённо-то выходит — Пшик. Уж лучше бы наши предки жили без шика, тогда и фамилия у нас была бы другая.

Только Генке я ничего не стал говорить про плохое название моей звезды. Он сейчас же напустится на меня: «Ты формалист, ты эгоист!.. Тебе нужно только громкое название!..» — или ещё какие-нибудь мудрёные слова скажет. Он их, слов-то таких, знает тьму-тьмущую!

Я только спросил его:

— Как же мы будем открывать их?

— Сперва мы сконструируем свой телескоп, потом будем вести наблюдение за ночным небом. Как только появится новая звезда, мы тут же заметим её, скажем: «Ага, голубушка, попалась! Теперь ты наша и будешь называться звездой Генгера».

— А как мы будем делать телескоп?

— По чертежам, — ответил сразу Генка.

— Где они у нас с тобой?

— Хранятся у меня в сейфе, — шёпотом по секрету сказал.

— Но из чего мы будем делать телескоп?

Генка вздохнул, потерел себя за чёлку, потом сказал:

— Материал придётся доставать нам с тобой вместе.

— Какой материал?

— Ножницы, клей, бумагу плотную, штатив и два круглых стекла от очков: одно — минус три, а другое — плюс три.

— Откуда мы возьмём всё это? — удивился я.

— Одно стекло, плюсовое, достану я. Бумагу, клей купим в магазине. Штатив и второе стекло принесёшь ты. Вот только я не знаю, сколько минус очки у твоего дедушки —

два, три или четыре? Бабушкины старые очки плюс три — это я точно знаю.

— Я спрошу у дедушки, — говорю Генке.

— Только не говори зачем, — строго наказал он мне, — скажи: секрет — и точка!

— Когда же мы теперь будем тренироваться? — вспомнил я про гимнастику.

— Наука спорту не помешает, так и будем тренироваться — утром и вечером. Спать тебе надо поменьше, — упрекнул он меня, — утром ты долго дрыхнешь. А теперь иди к деду за линзой.

И я пошёл. У нас домовничал один дедушка. Он работал ветеринарным фельдшером, а теперь пенсионер, ему уже семьдесят один год сравнялся. А бабушка всё ещё работает на ферме телятницей. Она на целых десять лет моложе дедушки и такая весёлая, бодрая всегда, никогда ничем не болеет. К ней даже грипп никогда не пристаёт. Она говорит:

— Я каждый день ем лук и чеснок, поэтому от меня все болезни отскакивают, как от стенки горох!

Но дедушка иногда прихварывает. Он ведёт четыре года воевал на фронте, его там два раза ранило, один раз контузило, да ещё обмороживался, потому что на севере воевал.

Брат теперь работает. Ему после службы в армии разрешалось три месяца отдыхать, но он всего две недели отдыхал, говорит:

— Надоело бездельничать.

Папа и дедушка не возражали, чтобы Борис так скоро начал работать. Бабушка тоже сказала:

— Правильно, Боря! Нечего баклуши бить! В летнюю пору рабочих рук в колхозе нехватка, пенсионеры и те трудятся.

Только мама одна возражала:

— Мальчику по закону положен такой отпуск.

Но Борис всё равно её не послушался. Получил машину, и теперь за ним только пыль по дорогам вьётся!

Дедушка тоже не всегда дома сидит. Когда у ветеринара бывает много работы, дедушка помогает ему. А когда ветеринар уходит в отпуск, дедушка остаётся за него.

Сейчас дедушка сидел в своём любимом кресле у окна и читал газету. Их нам почтальон приносит каждый день целую кипу. Папе — «Правду», Борису — «Комсомолку», дедушке — «Сельскую жизнь», мне — «Полэнерку», маме — областную, а бабушке — районную. Вот сколько! Да ещё журналов полно выписываем. Почтальон гётя Вера говорит,

что у нас в семье стопроцентная подписка на газеты и журналы.

— Деда, у тебя очки сколько минус? — спрашиваю его.

— Минус четыре, а что?

Он перестал читать и посмотрел на меня добрыми глазами. Дедушка всегда смотрит на меня добрыми глазами, потому что любит.

С досады я даже рукой махнул:

— Опять не повезло!

— Кому не повезло?

— Мне, кому же ещё!

— В чём тебе не повезло? — допытывался дедушка.

Тут я стал ему всё толком разъяснять:

— Понимаешь, деда, нам нужны очки минус три, а у тебя минус четыре. Разве это не горе?!

Но дедушка всё равно ничего не понял и продолжал расспрашивать:

— Кому это «нам» и зачем вам очки?
— Нам — это мне с Генкой, — говорю ему. — А зачем — секрет, и точка!

— Ну, если секрет, то, конечно, разглашать его не надо. Только хороший ли секрет, вот что меня беспокоит.

— Хороший, честное пионерское, хороший! — уверяю его.

— Есть у меня очки и минус три, да одно стекло у них треснуто.

— Нам и не надо два, нам одно стекло нужно!

Дедушка встал, прихрамывая подошёл к шкафу. Покрылся немного в ящике и нашёл свои очки.

— Вам с оправой или только одно стекло? — спрашивает.

— Одно стекло, — говорю.

Дедушка вынул стекло из оправы и подал мне:

— Держи.

Я взял стекло, потом от радости схватил обеими руками дедушку за шею, наклонил к себе и поцеловал.

— Спасибо, деда! — И что есть духу выбежал из комнаты.

Стекло Генка спрятал в свой «сейф», который находился в самой бане. Но какой он, «сейф», Генка даже мне не показывал.

— Теперь пойдём в магазин за клеем и бумагой, — командует он.

Мы тут же отправились. В магазине в это время была только одна продавщица. Ей, наверно, очень скучно было, и она обрадовалась, когда мы вошли.

— Что вам, ребята? — приветливо спросила она и улыбнулась.

— У вас конторский силикатный клей есть? — поинтересовался Генка.

— Вот, пожалуйста, — поставила продавщица на прилавок банку клея.

Генка повертел в руках банку, осмотрел со всех сторон, зачем-то понюхал её, потом спросил:

— Он качественный?

— Конечно!

— Зимой не замерзал? — допытывался Генка.

— У нас же тепло зимой в магазине, — обиделась продавщица.

— Понимаете, — говорит Генка, — нам нужен клей высшего качества!

— Ах, высшего!.. Ну, так бы сразу и сказал.

Она достала из шкафа точно такую же банку клея и подала её Генке.

— Вот этот годится, — одобрил он.

Потом выбрал большой лист толстой бумаги, уплатил деньги, и мы пошли к себе в предбанник, в наш НИИ.

Работа закипела. Чертежи телескопа Генка выдрал из какого-то журнала или книги. Их, чертежей-то, было всего-навсего один листок. В нём и описано было, что и как надо делать. Но я бы всё равно не сумел сделать и по чертежам с разъяснениями. Тут нужна Генкина голова, ведь недаром она у него всё так здорово соображает.

Я только помогал ему: подай то, подай другое, держи здесь, держи там, сбегай туда, сходи сюда...

Мастерил всё сам Генка. Размерял линейкой и циркулем, резал ножницами, красил бумагу в чёрный цвет, клеил...

Два дня мы конструировали наш телескоп, а получилась астрономическая труба. Она и в чертежах так называется.

— Теперь нам нужен ещё штатив, — говорит Генка. — Я бы сделал его сам, да инструментов у нас подходящих нет. Ты попроси у Бориса готовый штатив от фотоаппарата. Всё равно он штативом не пользуется и нужная нам вещь валяется без всякой пользы для науки. Скажи ему: штатив будет в целости и сохранности.

Когда Борис приехал на обед, я стал просить у него:

— Боря, дай нам с Генкой свой штатив, всё равно он у тебя так валяется.

— Зачем он вам?

— Это тайна! Понимаешь?

— Вполне-е понима-аю! В чужие тайны свой нос совать, конечно, не годится. Вы не исковеркаете его?

— Генка говорит, штатив будет в целости и сохранности.

— Ну, если Генка сказал, значит, так оно и будет. У него слова с делом не расходятся. Сколько раз ты теперь на турнике подтягиваешься? — неожиданно спросил он.

— Пять раз, — отвечаю.

— Если через неделю будешь подтягиваться десять раз, то дам вам штатив.

— Буду, обязательно буду! Только штатив-то нам уже сегодня нужен, а не через неделю, — горячо доказываю брату.

И он согласился:

— Так и быть, дам штатив сегодня. Но ты помни своё обещание.

— Сдержу, честное пионерское, сдержу!

— Тогда получай! — Борис достал с шифоньера сложенный штатив и протянул мне.

Обрадованный, я схватил штатив и скорее бежать из комнаты, пока Борис не передумал.

Подставку, на которую будет ложиться наша астрономическая труба (это я про себя её так называю, а вслух — телескоп), Генка сам сделал.

Но нам не повезло. К вечеру всё небо затянуло облаками, стало пасмурно. В пасмурную погоду звёзд не видно.

Генка вздыхает:

— Это с севера пришёл циклон и принёс много влаги.

— Долго он теперь будет тут торчать? — спрашиваю.

— Как только придёт антициклон, так сразу и оттеснит его, — отвечает Генка.

Два дня мы ждали антициклона. Наконец он добрался к нам.

Генка содрал с двери предбанника листок с надписью «НИИ» и прибил другой, на котором было крупно написано:

ОБСЕРВАТОРИЯ

— Сегодня ночью состоится торжественное открытие нашей обсерватории, — радостно объявил он.

— Где мы её будем открывать? — спрашиваю.

— Обсерватории-то где бывают, знаешь?

— Нет.

— В горах.

— Почему?

— Потому что ближе к небу и воздух в горах чистый, помех там меньше бывает. Ясно?

— Теперь ясно. Мы тоже с тобой на гору полезем?

— Там нет никакого помещения для хранения нашего оборудования. А таскать туда-сюда всю аппаратуру канительно, да и ребята сразу пронюхают, будут нам мешать работать.

— Им ведь тоже хочется посмотреть на небо в телескоп, — говорю.

— Конечно, — согласился Генка сразу. — Мы же с тобой не какие-нибудь мелкие собственники. Как только откроем новую звезду, так сразу и подарим наш телескоп школе. Нате, смотрите все на звёзды и планеты! А то ведь курам на смех получается: десятый класс изучает астрономию, но на Вселенную смотрят невооружённым глазом! Куда это годится?

— Такое дело, — говорю, — никуда не годится. Мы с тобой не жадобы, подарим наш телескоп им. Только вот Борис, пожалуй, не отдаст свой штатив школе, пожалеет.

— Отдаст, — уверенно сказал Генка. — Он ведь комсомолец, сознательный человек. Как же он может пожалеть для родной школы какой-то несчастный штатив? Мы телескоп отдаём, так свой штатив он и вовсе не пожалеет.

— А если мы не откроем новую звезду, тогда как?

— Откроем, — опять уверенно ответил Генка.

Он всегда уверенно говорит, поэтому я тоже поверил, что мы откроем новую звезду.

Но тут Генка сам немножко призадумался, чутко потеребил свою чёлку, вздохнул и сказал:

— Может и не посчастливеть... Новые звёзды не каждую ночь появляются. Тогда мы с тобой разглядим получше планеты, нашу Галактику, заглянем в туманность Андромеды и уж потом подарим телескоп школе. А пока мы установим его на крыше нашей обсерватории. Крыша-то почти плоская и глиняная. На ней и штатив хорошо будет стоять, и ноги не станут скользить. На шиферной или жестяной крыше штатив не удержится и самим стоять плохо придётся, а тут очень удобно всё получится.

— На крыше так на крыше, — соглашаюсь с ним.

Наступил вечер, приближалось время торжественного открытия нашей обсерватории. Как только смерклось и на небе появились звёзды, мы приступили к делу. Притащили со двора лестницу-временку. Она была сколочена на скорую руку из двух длинных жердей и круглых палочных поперечин.

По обеим сторонам бани у самых стенок рос клён-самосевок. Поэтому мы лестницу приставили к фронту с фасада.

Дверь в предбанник Генка запирает на всякий замок, а ключ прятал, в кармане с собой не носил.

— Ещё потеряешь, — говорит, — или домашние ночью возьмут ключ из кармана, отпрут замок и откроют всю нашу тайну.

Он достал ключ из потайного места, отпер замок, и мы вошли в предбанник. Там была темь — глаз выколи. Генка на ощупь взял со стола астрономическую трубу и подал мне:

— Держи в горизонтальном положении, смотри не урони! — строго наказывает.

— Не уроню.

Он взял штатив, и мы вышли из предбанника.

— Ген, можно мне хоть одним глазком глянуть в телескоп?

— В наш телескоп только одним глазом и можно будет смотреть. Потерпи, сейчас установим, тогда и посмотришь.

Он полез на крышу устанавливать штатив, а я остался с трубой в руках внизу.

Вечер был такой тихий, такой тёплый... В чёрном небе мигали яркие звёзды, их было много-много! И где-то там, далеко-далеко, есть звезда, про которую ещё никто на всём белом свете не знает, а мы с Генкой первые откроем её. Вот будет здорово! Мне так охота стало посмотреть через трубу на небо, что я не вытерпел и тайком от Генки направил

трубу вверх и глянул. От удивления чуть не выронил трубу из рук! Луна была такая здоровущая и так близко от меня, что её хоть рукой хватай.

— Готово, — сказал Генка на крыше.

И я опять как ни в чём не бывало стал держать трубу в горизонтальном положении.

Генка спустился на землю, взял у меня из рук трубу и снова полез на крышу. Трубу он тоже держал обеими руками в горизонтальном положении. Так подниматься ему было неудобно, и он, осторожно переставляя ноги с одной ступени на другую, изо всех сил старался держать равновесие.

Лестница была выше крыши на две ступеньки. Перелезая через них с занятыми руками Генке было трудно, и он с предпоследней ступеньки широко шагнул сразу на крышу, но потерял равновесие. Он ещё не упал, но уже понял, что обязательно упадёт, и успел крикнуть мне:

— Держи телескоп!

Трубу я успел поймать, а Генку поддержать не сумел. Он кубарем скатился по лестнице и брякнулся на землю. Сам ещё лежит, а уже спрашивает меня:

— Телескоп цел?

— Цел, — говорю. — А ты сам-то цел?

— Рёбра все поломал, — стонет он.

— Все до одного?!

— Может, какие и уцелели...

— А сколько уцелело?

— Завтра в больнице... Доктор Анатолий Васильевич скажет...

Он кряхтел и морщился, даром что терпеливый.

— Больно? — посочувствовал я ему.

— Наука без жертв не обходится, — простонал он и встал на ноги.

— Торжественное открытие обсерватории отменяется, — объявил он.

— Конечно, — согласился я, — теперь не до этого, какое тут уж торжество, если у тебя все рёбра поломаны!

— Теперь, когда из больницы выпишусь, тогда и откроем, — говорит, а сам всё морщится и тихонько стонет.

— Отнеси телескоп на стол, — приказывает мне.

Я тут же выполнил его приказание.

— Лезь на крышу, сними штатив, да смотри ты не загреми, как я, а то костей не соберёшь!

— Я не загремлю, у меня руки-то свободные, держаться ими буду за лестницу.

Снял я штатив с крыши и тоже отнёс его в предбанник. Генка запер дверь на замок и спрятал ключ. Потом мы сняли лестницу, положили её в сторону и молча разошлись по домам.

Мне жалко было Генку, и злость взяла: не мог вовремя удержать друга! Такая злость напала на меня, что самому себе по шее надавать захотелось. Ночью не засну никак.

На другое утро мы с Генкой пошли в больницу к доктору. Генка не стонал и не морщился, только прихрамывал на одну ногу.

Доктор Анатолий Васильевич, отец Эммы, был в белом халате, на голове такая же белая шапочка, а на носу большие очки. Он осмотрел Генку от макушки до пяток, вертел, крутил, мял, щупал, потом сказал:

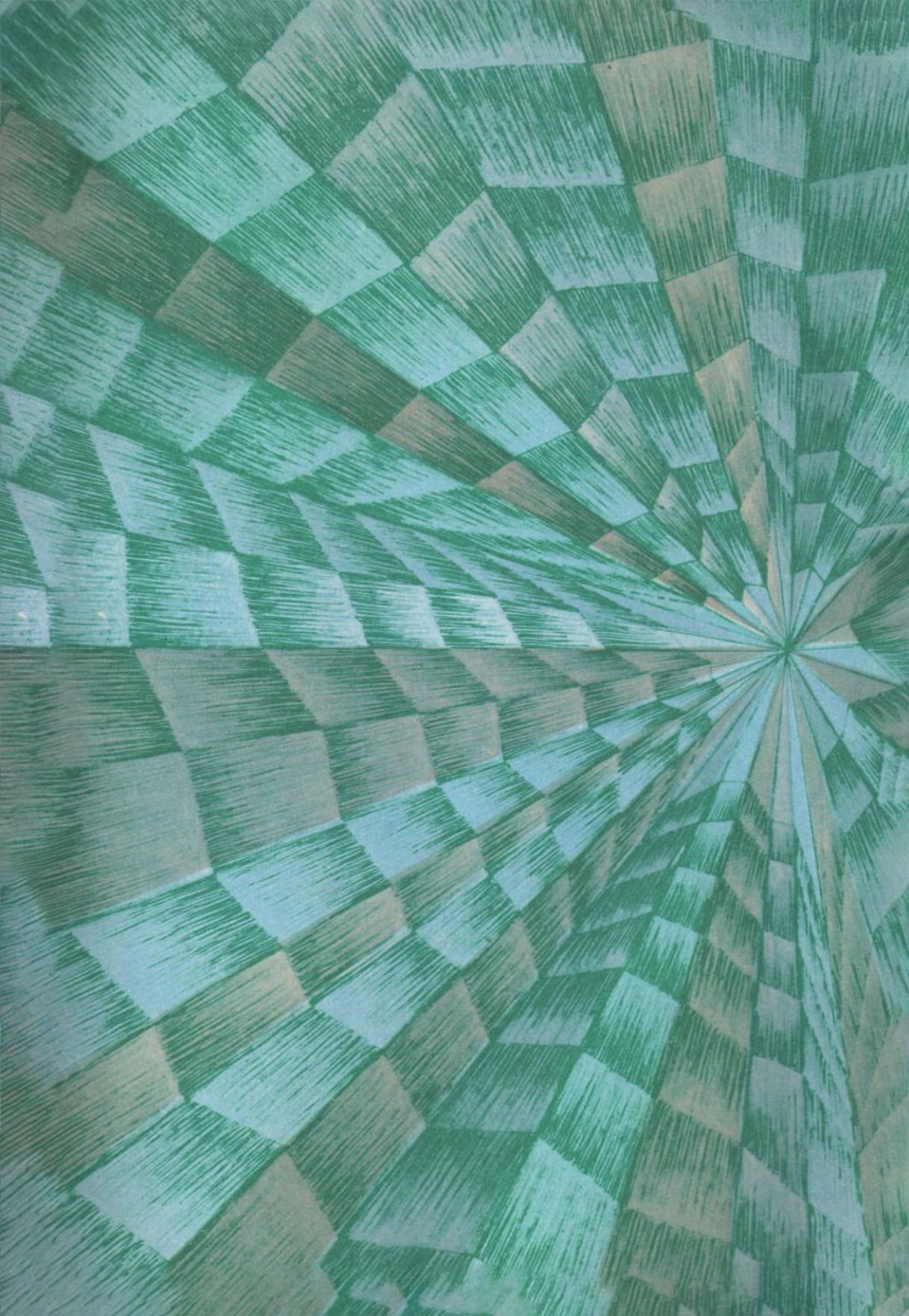
— Рёбра, к счастью, у тебя остались все целые. А синяки и ссадины только украшают настоящего мужчину, и до свадьбы они, конечно, заживут!

Мы здорово обрадовались и весело зашагали домой. От радости Генка даже хромать перестал.

Теперь нам осталось только открыть звезду Генгера.

15 коп.

Для младшего школьного возраста

Алексей Ефремович Шилов
ЗВЕЗДА ГЕНГЕРА

Повесть
ИБ № 7179

Ответственный редактор М. С. Ефимова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор И. С. Широкова. Корректоры И. В. Козлова и Л. Г. Петроченко. Сдано в набор 15.08.83. Подписано к печати 22.02.84. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,2. Усл. кр.-отт. 12,35. Уч.-изд. л. 4,24. Тираж 100 000 экз. Заказ № 582. Цена 15 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

